

Санкт-Петербургский государственный университет

КУПИНА Мария Евгеньевна

Выпускная квалификационная работа

**Повтор-хезитация и повтор-коррекция в русской устной спонтанной
речи инофонов**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа: ВМ.5621 «Русский язык»

Профиль: «Полевая лингвистика» Интегральное моделирование русской
речи»

Научный руководитель:

д. ф. н., профессор, Кафедра русского языка,
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

Рецензент:

к. ф. н., доцент, зав. кафедрой
языков Северной Европы
Института иностранных языков
РГПУ им. А. И. Герцена,
ОСЬМАК Наталья Андреевна

Санкт-Петербург

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИНТЕРФЕРИРОВАННАЯ РУССКАЯ МОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ И ЕЕ АНАЛИЗ	11
1.1. <i>Спонтанный монолог-рассказ как объект лингвистического исследования</i>	11
1.2. <i>Монолог-рассказ иностранцев на русском языке</i>	14
1.3. <i>Понятие межъязыковой интерференции</i>	15
1.4. <i>Хезитационные явления в устном дискурсе</i>	17
1.5. <i>Повтор как явление звучащей речи</i>	18
1.5.1. <i>Повтор-хезитация</i>	20
1.5.2. <i>Повтор-коррекция</i>	22
1.5. <i>Корпусы монологической речи</i>	23
1.6. <i>Выводы по главе</i>	27
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ПОВТОРА-ХЕЗИТАЦИИ И ПОВТОРА-КОРРЕКЦИИ В РЕЧИ ИНОФОНОВ	28
2.1. <i>Материал и методика исследования</i>	28
2.2. <i>Повтор в интерферированной русской речи (на материале исследования)</i>	32
2.3. <i>Повтор-хезитация в речи инофонов (классифицирующие признаки)</i>	34
2.3.1. <i>Структурные типы повтора-хезитации</i>	35
2.3.2. <i>Состав повтора-хезитации (морфологический аспект)</i>	38
2.3.3. <i>Сопутствующие повторам хезитационные явления</i>	40
2.4. <i>Повтор-коррекция в речи инофонов (классифицирующие признаки)</i>	43
2.4.1. <i>Тип коррекции</i>	44
2.4.2. <i>Тип ошибки при повторе-коррекции</i>	48
2.4.3. <i>Структурный тип повтора-коррекции</i>	52
2.4.4. <i>Сопутствующие повтору хезитационные явления</i>	53

2.5. Корреляции повторов с метаданными говорящих.....	56
2.5.1. Корреляция с гендерной принадлежностью говорящего	56
2.5.2. Корреляция с психотипом говорящего	58
2.6. Выводы по главе	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ.....	72

ВВЕДЕНИЕ

В течение последних десятилетий одним из наиболее активно развивающихся направлений в лингвистике продолжает оставаться многоаспектный анализ звучащей речи, или *коллоквиалистика* как теория разговорной речи, как «отрасль языкознания, занимающаяся анализом повседневной неофициальной речи» (*Девкин 1974: 10; см. также: он же 1979; Скребнев 1985*). Именно этот материал позволяет описать процесс речевой коммуникации с учетом как самой коммуникативной ситуации, так и всех индивидуальных характеристик говорящего – от социальных до психологических.

Сегодня такие исследования нельзя представить без обращения к языковому или речевому корпусу, под которым понимается «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных проблем» (*Захаров 2005: 3*). Одним из явных преимуществ корпусного подхода к анализу языкового или речевого материала является возможность балансировки данных (собственно лингвистической, социолингвистической, психолингвистической), которая позволяет не только устанавливать корреляции между лингвистическими параметрами звучащего материала и индивидуальными характеристиками говорящих (или групп говорящих), но и дает возможность сравнивать результаты, полученные на материале речи различных групп носителей языка.

Для настоящего исследования интерес представляют корпуса, содержащие интерферированную русскую речь иностранцев. Стоит отметить, что «межъязыковая интерференция на уровне спонтанного речепроизводства вообще редко становилась предметом лингвистического анализа» (*Звуковой корпус...2013: 126*), что свидетельствует об *актуальности и научной новизне* предпринимаемого исследования.

По мнению В. А. Плунгяна, языковой/речевой корпус позволяет «получать ответы на самые неожиданные вопросы – более того, <...> ставить

новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась», и даже «отчасти заглянуть в будущее русского языка» (Плунгян 2005а: 13). Корпусный подход ценен еще и тем, что позволяет найти и описать так называемые «слабые» элементы речевой цепи: различного рода повторы, обрывы, колебания, оговорки, самоперебивы, звуковые и вербальные заполнения пауз и под. Ср.: «В свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории. Теоретическая лингвистика последних десятилетий затратила огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Однако с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда полезна, поскольку многие такие явления в речевой реальности не обнаруживаются или обнаруживаются крайне редко. В то же время исключительно частотные явления устной речи, такие как хезитации, речевые сбои, регуляторные дискурсивные маркеры, парцелляции и т. д., практически не замечены лингвистической теорией» (Кибрик, Подлесская 2009: 27). Выявление, систематизация и характеристика всех подобных элементов устной спонтанной речи представляет собой одну из важнейших задач коллоквиалистики сегодня.

Таким образом, *объектом* внимания в настоящей работе является русская устная спонтанная монологическая речь, записанная от носителей иностранных языков и организованная в корпус. Как справедливо отмечает О. Б. Сиротинина, зачастую «активность собеседника мешает говорящему составить манеру своего речевого высказывания» (Сиротинина 1992: 307). Более того, в отличие от диалогической речи, которая может происходить в вопросно-ответной форме, построение монологического высказывания требует от говорящего специальных навыков: он должен уметь логично выстроить высказывание и придерживаться определенной композиции повествования. Конкретным типом монолога для анализа в настоящем исследовании стал свободный рассказ на заданную тему («Ваши впечатления о Санкт-Петербурге»), поскольку он является самым спонтанным монологическим речевым жанром (см. об этом подробнее: *Звуковой корпус...*

2013: 87-93).

Предметом анализа в работе стало такое явление устной речи, как *повтор*. Предпринята попытка описания двух конкретных его типов: *повтор-хезитация* и *повтор-коррекция*. Как отмечено исследователями, «обрывы, самоперебивы, самокоррекция и разного рода грамматическая рассогласованность в принципе характерны для живой, неподготовленной, устной речи» (*там же*: 53). Повтор становился предметом исследования целого ряда работ (см., например: *Русская разговорная речь* 1983; *Бондаренко* 1984; *Подлесская, Кибрик* 2005; *Сапунова* 2009 а, б; *Завадская* 2021), однако его функционирование в спонтанной речи инофонов пока редко становилось объектом специального исследования, см. разве что ряд работ на материале русской речи носителей китайского языка (из того же корпуса монологической речи, что и настоящее исследование): *Чэн Чэнь* 2016 а, б, 2018; *Кун Чунься* 2021а.

Целью работы является описание двух типов повтора в русской устной спонтанной речи носителей французского, нидерландского и итальянского языков.

Для достижения поставленной цели в работе были решены следующие **задачи**:

- обзор литературы по теме исследования (коллоквиалистика, корпусная лингвистика, хезитационные явления в русской спонтанной речи) и формирование теоретической базы исследования;
- подбор дикторов-итальянцев с одинаковым уровнем владения русским языком;
- социологическое и психологическое тестирование информантов-итальянцев
- запись информантов-итальянцев по методике САТ (о корпусе САТ и об этой методике см. ниже);
- расшифровка материала на основе слухового анализа;

- простейшая интонационная разметка материала (расстановка пауз разного типа);
- паралингвистическая разметка материала;
- создание пользовательского подкорпуса материала – выявление всех повторов в записанном материале, а также в других монологах из коллекции САТ;
- контекстный анализ материала;
- выявление возможных корреляций между появлением повтора того или иного типа и характеристиками говорящего (пол, возраст, родной язык).

Материал исследования составили следующие ресурсы:

- 27 спонтанных монологов-рассказов на русском языке, записанных от информантов-голландцев (см.: *Зайдес* 2016, 2017; *Замковец* 2019),
- 8 монологов-рассказов от информантов-французов (*Казак* 2015а);
- 4 монолога-рассказа от информантов-итальянцев.

Источником материала стал корпус монологической русской речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см. о нем подробнее: *Звуковой корпус...* 2013; *Богданова-Бегларян и др.* 2017а, 2019а). Балансировка материала в структуре используемого корпуса проводилась сразу по нескольким критериям: лингвистическая (серия коммуникативных сценариев¹), социолингвистическая (для настоящего исследования актуальными факторами являются уровень владения русским языком, родной язык информанта, пол и возраст), психолингвистическая (в частности, психотип (экстравертность/интровертность) информанта). Такая балансировка позволяет сравнивать результаты анализа речи носителей разных иностранных языков и находить корреляции между лингвистическими характеристиками материала и индивидуальными характеристиками информантов.

Научная новизна работы состоит также в том, что собранный материал

¹ Подробнее о коммуникативных сценариях см. раздел 1.1 настоящей работы.

может стать частью «Сбалансированной аннотированной текстотеки». Это даст возможность анализировать его совместно с другими материалами, собранными по сходной методике. Более того, повтор как хезитационное явление в русской речи носителей французского, нидерландского и итальянского языков ранее не становился объектом специальных исследований. Его функционирование в интерферирующей русской спонтанной речи должно быть описано с учетом типа речи и индивидуальных характеристик говорящего.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в том, что она не только вносит свой вклад в изучение русской устной спонтанной монологической речи, но и расширяет наше представление о хезитационных явлениях в речи на неродном языке.

Практическая значимость исследования усматривается в том, что часть новых материалов, записанная и расшифрованная по методике САТ, может быть использована не только в русской, но и в иностранной аудитории, в качестве учебных материалов для описания реального функционирования языковых единиц. Более того, проанализированный пользовательский подкорпус будет полезен на занятиях по лексикологии и фонетике русского языка как иностранного (РКИ).

Актуальность работы обусловлена тем, что с развитием языковых контактов интерес лингвистики к интерферирующей речи значительно возрастает.

В работе были использованы следующие научные **методы** исследования:

- 1) экспериментальный (запись, анкетирование и психологическое тестирование информантов);
- 2) слуховой анализ;
- 3) описательный (метод контекстного анализа);
- 4) сопоставительный;
- 5) квантитативный (метод простых количественных подсчетов).

Структура работы отражает ход исследования и включает следующие разделы:

- введение,
- теоретическая глава (обзор литературы по изучаемой теме);
- практическая глава (собственно ход и результаты исследования);
- заключение;
- список принятых в работе сокращений,
- список использованной литературы,
- список словарей и иных ресурсов.

Апробация работы: основные положения и результаты настоящего исследования были обсуждены в ряде докладов и сообщений на научных конференциях разного ранга:

- XXIII и XXIV Открытые конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, октябрь 2020 г., апрель 2021 г.);
- Международная конференция молодых филологов (Тарту (Эстония), апрель 2021 г.);
- Всероссийская ежегодная научно-методическая конференция «Русский язык: средство общения и учебная дисциплина» (Санкт-Петербург, апрель 2021 г.).

Результаты работы отражены в следующих **публикациях** автора:

- 1) *Повторите, пожалуйста*: об одном хезитационном явлении в русской устной речи инофонов // Тезисы докладов. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2020. [Электронный документ] <https://conference-spbu.ru/conference/43/structure/>
- 2) Повтор-хезитация и повтор-коррекция в речи иностранцев на русском языке // Вестник Бурятского гос. ун-та. Филология. – 2020. Вып. 2. – С. 9–15.
- 3) *Je répète, vous répétez, nous répétons*: о повторах в речи франкоговорящих на русском языке // Тезисы докладов. – СПб.: Филологический ф-т, СПбГУ, 2021. [Электронный документ] <https://conference->

spbu.ru/conference/44/structure/

- 4) Повтор-коррекция в речи иностранцев на русском языке (на корпусном материале) // Сб. докладов Всероссийской ежегодной научно-методической конференции «Русский язык: средство общения и учебная дисциплина». – СПб.: Военно-Медицинская академия им. С. М. Кирова, 2021. – В печати.

ГЛАВА 1

ИНТЕРФЕРИРОВАННАЯ РУССКАЯ МОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ И ЕЕ АНАЛИЗ

1.1. Спонтанный монолог-рассказ как объект лингвистического исследования

Традиционно изучение устной речи основывается на анализе трех речевых жанров, которые выделяются в зависимости от количества говорящих: монолог, диалог, полилог. Поскольку любое высказывание предполагает наличие адресата (реального или подразумеваемого), то диалогический тип высказывания ожидаемо оказывается наиболее распространенным в повседневной речевой практике. Нельзя не отметить, что монолог и диалог е оказываются зачастую неразрывно связанными: «каждая реплика диалога сама по себе монологична (предельно маленький монолог), а каждый монолог является репликой большого диалога (речевого общения определенной сферы)» (Бахтин 1979: 296). Л. П. Якубинский тоже говорил о том, что некоторые речевые жанры оказываются неоднородны при рассмотрении в них монологического и диалогического начала: «В области непосредственного речевого общения мы имеем, с одной стороны, такие бесспорные случаи монологической речи, как речь на митинге, в суде и т. п.; с другой стороны, крайним случаем диалога является отрывистый и быстрый разговор на какие-нибудь обыденные или деловые темы. <...> Но между этими двумя случаями находится ряд промежуточных, центром которых является такой случай, когда диалог становится обменом монологами, например, при обмене приветствиями или небольшими “речами” на каких-нибудь церемониях, попеременного рассказа о впечатлениях, переживаниях или приключениях; в последнем случае в общем порядке речевого взаимодействия монологические куски иногда как бы аккомпанируются репликами» (Якубинский 1986: 31). В. В. Виноградов также считал, что монологическая речь часто входит в состав диалогической (Виноградов 1963: 20). Несмотря на всю близость описанных речевых жанров, настоящее исследование

рассматривает только монологический тип высказывания, под которым понимается форма речи, «образуемая в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие» (Винокур 1990: 310).

Анализ монологического высказывания позволяет исследователю более точно описать речь говорящего с учетом его социальных характеристик (пол, возраст, место рождения, профессия и др.) и выполнить сравнительный анализ текстов, записанных в рамках одного и того же коммуникативного сценария, но от разных информантов.

Существует несколько видов устных спонтанных монологов (реализованных по разным типам коммуникативных сценариев²), среди которых выделяют следующие: *чтение* (сюжетного или несюжетного исходного текста), *пересказ* (также сюжетного или несюжетного прочитанного текста), *описание изображения* (сюжетного или несюжетного), *рассказ* на заданную тему (знакомую или незнакомую) (см. подробнее: *Звуковой корпус... 2013*). Объектом настоящего исследования является спонтанный рассказ-монолог на заданную тему. Стоит отметить, что существует большое количество исследований, посвященных описанию этого вида речевой деятельности (см., например: *Лантева 1995; Бродт 2007; Конюхова 2007*; и мн. др.).

И. П. Амзаракова трактует этот термин так: «разговорный монолог – значительное по объему высказывание одного лица в структуре диалога, которое имеет минимум одну самостоятельную тему в течение длительного промежутка времени, не прерывается слушающим и обладает относительной самостоятельностью, т. е. не теряет смысла при изъятии его из текста» (*Амзаракова 1985: 5*). И. Н. Борисова дает следующее определение разговорного монолога – это «форма непринужденного рассказа, непосредственно обращенного к слушателю или слушателям» (*Борисова 2001:*

² Под *коммуникативным сценарием* понимается «модель развертывания речи, план возможных или обязательных речевых действий для той или иной ситуации общения» (см.: *Звуковой корпус... 2013: 60*).

68). В настоящем исследовании рассказ-монолог рассматривается как самостоятельный объект исследования, который характеризуется тематическим единством (все анализируемые высказывания представляют собой рассказ по заданному коммуникативному сценарию «Мои впечатления о Санкт-Петербурге»). К ситуационным установкам реализации анализируемых монологов можно отнести следующие: запрет на вмешательство слушателя, самостоятельность более или менее развернутого высказывания.

Под рассказом-монологом понимается, таким образом, развернутый ответ на какой-либо вопрос исследователя.

Как известно, одним из критериев описания устной разговорной речи является степень ее спонтанности. И. Н. Борисова выделяет три степени подготовленности устной речи:

1) *неподготовленная речь* – степень ее спонтанности характеризуется редуцированностью замысла, потенциальной возможностью изменить тему, непродуманностью композиции (неофициальные бытовые диалоги);

2) *частично подготовленная речь* – диалоги, сопровождающие предметно-практическую или игровую деятельность, принятие совместных решений или решение интеллектуально-познавательных задач (монолог-рассказ на заданную тему);

3) *подготовленная речь* – подготовка, проработанность фраз, возможно существование письменного прототипа (публичные выступления согласно проработанной схеме, доклад, тост, поздравление, пересказ первичного текста) (Борисова 2001: 143).

Согласно указанной классификации, монолог-рассказ на заданную тему характеризуется частичной степенью спонтанности. Однако подчеркнем, что такой тип речи не представляет собой искусственное явление и может считаться репрезентативным для изучения. Более того, как справедливо указывает Е. В. Ерофеева, характеристика речи информанта

в монологическом высказывании предстает в естественной форме, поскольку говорящий не подстраивается под собеседника (*Ерофеева 2005: 116*).

1.2. Монолог-рассказ иностранцев на русском языке

Русский язык как иностранный изучается носителями самых разных языков как в России, так и за рубежом. Материалом настоящего исследования являются спонтанные монологи на заданную тему, записанные от носителей трех европейских языков: французского, нидерландского и итальянского.

Изучение монологической речи в иностранной аудитории является одной из приоритетных задач, поскольку построение целостного высказывания на неродном языке требует определенных коммуникативных навыков. Так, Н. В. Моисеева отмечает, что «монологическая речь, семантически и синтаксически более организованная, обладающая смысловой законченностью, композиционной стройностью протяженных (по объему) высказываний, считается, как правило, “олитературенной” разновидностью речи. Иначе говоря, для ведения монолога требуется специальная подготовленность, умение точно, логично, синтаксически правильно выстроить фразу в соответствии с нормами языка» (*Моисеева 1998: 9*).

Поскольку монолог на заданную тему предполагает наличие определенных языковых компетенций, все информанты для настоящего исследования были подобраны с учетом уровня владения русским языком не ниже В1 (пороговый уровень, при котором говорящий способен решать практические задачи в типичных ситуациях повседневной жизни, поддерживать социально-деловое взаимодействие).

А. А. Леонтьев писал, что «обучение иностранному языку есть обучение творческому процессу создания порой уникальных комбинаций единиц речи. Это означает, что этот процесс не может быть полностью алгоритмизирован, поскольку невозможно дать алгоритмы порождения бесчисленного множества вероятных комбинаций речевых единиц» (*Леонтьев 1970: 17*). Однако нельзя отрицать того факта, что обучение монологической речи в иностранной аудитории должно быть построено с учетом самой структуры такого

высказывания, которое традиционно состоит из следующих компонентов: *зачин* (введение, вступление и др.), *основная часть* и *концовка* (заключение)³. Справедливо замечание авторов коллективной монографии *Звуковой корпус...* 2013 о том, что «студенты, хорошо понимающие речь преподавателя на занятиях, оказываются беспомощными на улице, в ситуации естественной речи, в условиях непосредственного общения с носителями языка. Коммуникативные неудачи вызываются чаще всего не недостаточным знанием лексики, а неумением ориентироваться в обилии присущих спонтанной речи особенностей, таких как разного рода ошибки, самоперебивы, самокоррекция, хезитационные паузы, имеющие звуковое или лексическое заполнение, и т. п.» (*Звуковой корпус...* 2013: 250).

При анализе монолога-рассказа на неродном языке стоит учитывать не только те неточности, которые могут быть вызваны естественным процессом речепорождения, но и специфические ошибки, связанные с необходимостью создания устного высказывания на другом языке. Доказано, что существует корреляция между появлением хезитаций разного типа в монологах и индивидуальными характеристиками информантов. К таким причинам можно отнести следующие: «недостаточное владение русским языком, повлекшее за собой раздумья над формой слова или грамматической конструкцией, которые собирается произнести говорящий; мучительный поиск нужного слова, множественные повторы, обрывы, разрывы» (*Чэн Чэнь* 2018: 218).

Таким образом, повтор в монологах иностранцев на русском языке рассматривается в настоящей работе с учетом специфики устной речи и возможной межъязыковой интерференции.

1.3. Понятие межъязыковой интерференции

Явление *межъязыковой интерференции* долгое время является объектом интереса лингвистов, которые по-разному оценивают влияние этого процесса

³ О структуре монолога см. *Звуковой корпус...* 2013: 75.

на речь говорящих. В «Новом словаре методических терминов и понятий» под интерференцией понимается «взаимодействие языковых систем, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им (Азимов, Щукин 2009: 87).

Л. В. Щерба, используя еще понятие «смешение языков», а не «межъязыковая интерференция», писал о деформирующем влиянии одного языка на другой при осуществлении языковых контактов. (Щерба 1974: 63). При этом исследователь разделяет два вида двуязычия: «оба языка образуют две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта», и «два каких-нибудь языка образуют в уме лишь одну систему ассоциаций» (там же).

У. Вайнрайх понимает под интерференцией «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта» (Вайнрайх 1979: 22). Исследователь выделяет две стадии интерференции: интерференция в речи и интерференция в языке. В речи «интерференция возникает в высказываниях двуязычного как результат его личного знакомства с другим языком», а в языке «мы находим те явления интерференции, которые вследствие многократных появлений в речи двуязычных стали привычными и закрепились в употреблении» (там же: 36). Исследуя явление интерференции, У. Вайнрайх говорит о языке S – источнике интерференции (*source of the interference*) и языке C – объекте интерференции (*target [cible] of the interference*) (он же 1972: 30). В качестве дифференциального признака У. Вайнрайх использует различные уровни языковой системы и выделяет следующие разновидности интерференции: фонологическую, грамматическую и лексико-семантическую.

В методической литературе сегодня выделяют следующие виды межъязыковой интерференции:

- внешняя и внутренняя (по происхождению);
- прямая и непрямая (по характеру переноса навыков родного языка на

иностранный язык, который изучается);

- явная и скрытая (по характеру определения);
- фонетическая, графическая, и орфографическая, лексическая (семантическая), грамматическая (синтаксическая), лингвострановедческая и культурная (*Симонец 2017: 100*).

Некоторые исследователи приходят к выводу, что «особенностью методики обучения второму иностранному языку является не предотвращение интерференции, а необходимость обеспечить положительный перенос, для чего существуют все необходимые предпосылки (*там же: 104*).

Для настоящего исследования понятие межъязыковой интерференции оказывается важным, поскольку в центре внимания оказывается интерферирующая русская речь, под которой обычно понимают такую речь, которая содержит в себе признаки диалекта или иноязычного акцента. Очевидно, что интерферирующая речь отличается от речи носителей языка по многим признакам. Ф. О. Байрамова, исследуя акцент в интерферирующей русской речи на материале русской речи азербайджанцев, говорит о том, что такая речь «маркирована и опознаваема (в большей или меньшей степени) с точки зрения обыденного языкового сознания носителя литературного языка» (*Байрамова 2012: 7*).

Отметим, что многие современные (самого последнего времени) исследования о межъязыковой интерференции уже проводились на материале китайского (*Тэн Хай 2015, 2017; Чэн Чэнь 2018; Кун Чунься 2021б; Богданова-Бегларян, Кун Чунься 2021*), французского (*Притчина 2005*), английского (*Афанасьева 2009, Игнатенко 2008*) и других языков.

1.4. Хезитационные явления в устном дискурсе

Одним из главных отличий звучащей речи от письменной является наличие так называемых хезитационных явлений (ХЯ), к которым традиционно относят следующие: паузы хезитации (незаполненные, физические, и заполненные), самоперебивы, обрывы, самокоррекция, растяжка звуков, повторы и др. (см. достаточно полный их перечень в работах:

Чэн Чэнь 2016б, 2018; Кун Чунься 2021а). Зачастую ХЯ называют «слабыми элементами» речевой цепи, поскольку к содержанию высказывания такие элементы отношения не имеют и возникают по причине недостаточной подготовленности говорящего к произнесению тех или иных единиц, сложности воспроизводимого текста и по другим причинам. С. Б. Степанова предлагает следующую, достаточно подробную, классификацию хезитационных явлений (Степанова 2006):

- физическая пауза (незаполненная, перерыв в звучании);
- физическая пауза внутри синтагмы;
- пауза, полностью заполненная речеподобным звуком (м-м, э-э);
- речеподобный звук в начале синтагмы;
- речеподобный звук в конце синтагмы;
- речеподобный звук в середине синтагмы;
- затяжка последнего в речевом отрезке звука;
- затяжка первого звука в интонационной единице;
- затяжка звука внутри синтагмы;
- хезитационный повтор;
- паузы хезитации, заполненные «словами-паразитами»;
- фальстарт (оговорки, запинки типа заикания).

Для настоящего исследования такие явления представляют большой интерес, поскольку в устном дискурсе они часто сопровождают повтор-коррекцию.

1.5. Повтор как явление звучащей речи

Термин *повтор* имеет много значений и используется как в литературоведении, так и в лингвистике. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» дается следующее определение повтора: «полное или частичное повторение корня, основы или целого слова как способ образования слов, описательных форм, фразеологических единиц» (Розенталь, Теленкова 1976: 299). Авторы отмечают, что повтор слов используется для следующих целей:

1) обозначение большого числа предметов, явлений: *За теми деревьями леса, леса, леса* (Мельников-Печерский);

2) усиление признака, степени качества или действия: *Вот темный, темный сад* (Некрасов). *И ближе, ближе все звучал грузинки голос молодой* (Лермонтов);

3) указание на длительность действия: *Зимы ждала, ждала природа* (Пушкин). Повтор стилистический. Повторение одних и тех же слов как особый стилистический прием, например для подчеркивания каких-либо деталей в описании, создания экспрессивной окраски. *Прекрасный, чистый, учтивый извозчик повез его мимо прекрасных, учтивых, чистых городских по прекрасной, чистой, помытой мостовой, мимо прекрасных, чистых домов к тому дому на Канаве, в котором жила Marriette* (Л. Толстой) (*там же*).

Сразу отметим, что повтор как средство выразительности языка в настоящем исследовании не рассматривается.

Наиболее близкое нам определение дают авторы коллективной монографии «Фонетика спонтанной речи»: под повторами они понимают «внутрифразовые абсолютные лексические повторы, функционально неоднородные, обусловленные устным характером речепроизводства» (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 172). Таким образом, вслед за авторами этой монографии, будем рассматривать повтор исключительно как элемент устной формы языка. Существующая классификация повторов построена на основе выполняемых ими функций в речи и включает в себя 4 вида:

- 1) повтор-хезитация (П-Х),
- 2) повтор-подчеркивание, или актуализатор (ПА),
- 3) повтор-пауза (ПП),
- 4) разнонаправленный повтор-связка (ПС).

В настоящем исследовании описывается первый из этих типов – *повтор-хезитация*. Его описанию посвящен следующий раздел работы.

1.5.1. Повтор-хезитация

По мнению Н. Е. Быковой, повторы-хезитации избыточны с коммуникативной точки зрения, но необходимы для создания прагматической установки. Исследователь отмечает, что это так называемые «островки», которые позволяют говорящему отдохнуть или выбрать прием для поддержания общения (Быкова 2020). Чэн Чэнь, рассматривая П-Х на примере устных монологов китайцев на русском языке, указывает на функциональное сходство П-Х и паузы хезитации (ПХ) в широком ее понимании, поскольку такой повтор «часто используется говорящим в момент речевого колебания, связанного с выбором подходящего лексического наполнения заранее созданной синтаксической структуры» (Чэн Чэнь 2018: 95). Однако основным отличием *повтора-хезитации* от *паузы хезитации* может считаться то, что П-Х – это «повторение лексемы или речевого фрагмента целиком, а не отрезков слова или каких-либо нечленораздельных звуков» (Звуковой корпус... 2013: 170). В работе «Паузальное членение квазиспонтанной разговорной речи носителей амурской разновидности дальневосточного региолекта русского языка» под П-Х понимается «манифестация так называемых речевых колебаний в спонтанной речи» (Ворон и др. 2016: 50). В. И. Подлеская и А. А. Кибрик рассматривают повтор как тип *речевого сбоя* и говорят о том, что это «операция, которая, с точки зрения ее когнитивной интерпретации, представляет собой совмещение функций коррекции и хезитации: произнесся некоторый фрагмент, говорящий может прерваться, ощутив сомнение в том, что этот фрагмент соответствует изначальной программе, затем отвергает эти сомнения и повторяет данный фрагмент, сигнализируя о том, что вербализации более удачной, чем первоначально предложенная, он не подобрал» (Подлеская, Кибрик 2007: 14).

Зачастую исследователи рассматривают повтор только полнозначных слов или словосочетаний (Краевская 1978; Laakso 1997). Отметим, что в настоящем исследовании рассматривается повтор не только самостоятельных, но и служебных частей речи. Повтор частиц, союзов,

предлогов и местоимений уже рассматривался в ряде научных работ. Более того, Х. Лайтинен отмечает, что «для хезитационных повторов характерно, что повторяются не значимые слова, а предлоги, местоимения и частицы-союзы» (Лайтинен 2020: 116). Интересным кажется вывод автора о том, что, «повторяя незначимую единицу языка, говорящий как бы дает понять, что испытываемые им трудности не являются настолько серьезными, что ему пришлось бы изменить стратегию продвижения своей речи» (там же).

Близки к этому и наблюдения Н. В. Богдановой-Бегларян, которая описывала функционирование вербального хезитатива *это самое* на материале, в частности, и корпуса САТ (Богданова 2011; Богданова-Бегларян 2013; Звуковой корпус... 2015): в ходе хезитационного поиска говорящий часто повторяет именно служебные части речи – предлоги, союзы, частицы, даже вспомогательные глаголы (носители грамматического значения) в составе сказуемого – сначала до заминки, маркированной данным хезитативом, а потом, когда нужное слово найдено, еще и рядом с ним, как бы восстанавливая цельность грамматической конструкции, ср. (искомые и найденные единицы в контекстах подчеркнуты, повторяющиеся грамматические единицы выделены шрифтом):

- *а оно **не** это самое / **не** долбанёт ? (ОРД)⁴;*
- *так это сразу / **не** это самое / [нрзб] **не** сообразить не / сразу как-то вот / **не** связать (САТ);*
- *он **начал** / это самое / э-э ну это / как его // э-э ну з... / ж... / ну жареной свининой // значит / окунями // и он **начал** кататься валять по полу // кататься и валяться по полу (САТ);*
- *как бы вылетел он **из** этой самой } **из** машины (САТ);*
- *топ / топ / топ с фингалом **под** этим самым / **под** глазом (ОРД);*
- *жена-то **на** это самое } Татьяна-то **на** девятом месяце беременности / у них же уже известно что дочка (САТ);*
- *йока это когда / значит / как бы яйцо / яйцо вместе с блином пожаренное / вот такое вот / **типа** это самое } **типа** такого чего-то [...] потому*

⁴ Подробнее о корпусе русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) см.: Asinovsky et al. 2009; Русский язык... 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2016 a, b; Богданова-Бегларян и др. 2017б; 2019б.

что он необычный / это блин! но блин с яйцом (САТ);

- *ну что говорю воровали / он говорит / несли всё подряд / они говорят / даже [это самое] даже паркет отрывали* (САТ).

Встретился даже пример повтора (в ситуации заминки) грамматической части слова – префикса:

- *она гово... она приходила говорила / люди **при(:**) (...) люди уже(:*) *по несколько раз **при...** это самое / **приходят** / *П не... не могут договор никак / (э-э) никак получить* (ОРД).

По мнению исследователя, в таких контекстах «создается впечатление, что грамматика планируемой конструкции для говорящего ясна изначально и он вынужден искать только ее лексическое наполнение» (*Звуковой корпус...* 2015: 273). При порождении речи грамматика (форма) опережает семантику (значение), что и приводит иногда к появлению повторов именно грамматических единиц – в первую очередь служебных частей речи или даже грамматических морфем. Ср. сходные рассуждения В. И. Подлесской: «Краткосрочный режим обычно используется говорящим в тех случаях, когда проблема связана с “близким” поиском, т. е. когда предстоящая порция дискурса уже достаточно хорошо спланирована и затруднения касаются выбора конкретного выражения из ограниченной зоны возможностей. Во многих языках, в том числе и в русском, в этой ситуации используются согласуемые маркеры-заместители, типа *этот (самый) / эта (самая), такой / такая, как его/её*, которые демонстрируют, что говорящий уже выбрал грамматическую форму планируемой группы и колеблется лишь в выборе конкретной номинации» (*Подлесская* 2013: 634-635).

1.5.2. Повтор-коррекция

Помимо повтора-хезитации, который получил, как можно видеть, достаточное освещение в научной литературе, в материале настоящего исследования встретился еще один вид повтора, который не получил еще специального названия. В настоящей работе использован термин *повтор-коррекция*. Возможно, повтор-коррекция не был выделен петербургскими лингвистами (см.: *Звуковой корпус...* 2013, 2015) по причине того, что их

работа строилась на анализе русской речи носителей языка, в которой ошибок, очевидно, существенно меньше, чем в русской речи инофонов. Стоит отметить, что повтор с коррекцией был выделен и описан исследователями (см., например: Чэн Чэнь 2016а, 2018), однако как отдельный тип не был рассмотрен. О невозможности объединения повтора-хезитации и повтора-коррекции в одну группу свидетельствует тот факт, что коррекция языковой единицы далеко не всегда сопровождается хезитацией. Таким образом, выделение повтора-коррекции как самостоятельного типа кажется вполне правомерным.

В исследовании В. И. Подлесской и А. А. Кибрика, посвященном речевым сбоям, анализируется явление, получившее название *контактный повтор*, под которым понимается (повторим уже приведенную выше цитату) «операция, которая, с точки зрения ее когнитивной интерпретации, представляет собой совмещение функций коррекции и хезитации: говорящий произносит некоторый фрагмент, но прерывается, ощутив сомнение в том, что этот фрагмент соответствует изначальной программе, затем отвергает эти сомнения и повторяет данный фрагмент, сигнализируя о том, что вербализации более удачной, чем первоначально предложенная, он не подобрал» (Подлесская, Кибрик 2005: 3). Замена термина *повтор-коррекция* на *контактный повтор* в настоящем исследовании представляется не совсем обоснованной, поскольку в указанной работе речь идет именно о тех случаях, когда возникает обрыв языковой единицы. Поскольку описание повторов с обрывом не входит в задачи настоящего исследования, специальный анализ таких явлений не был произведен.

Рассмотрим далее более подробно источник материала для настоящего исследования.

1.5. Корпусы монологической речи

Описание устной речи сегодня практически невозможно представить без обращения к корпусам. С развитием *корпусной лингвистики* звучащая речь приобрела письменную фиксацию (ее называют *дискурсивной транскрипцией*

– см., например, о ее деталях: *Блинова 2017*), что значительно расширило возможности для решения вполне конкретных лингвистических задач. Под корпусной лингвистикой понимается «раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с использованием компьютерных технологий» (*Захаров 2005: 3*).

Одно из первых определений корпуса находим в труде Т. Макинери и Э. Уилсона: «корпус в современной лингвистике в отличие от любого набора текстов может быть более точно определен как ограниченный по объему набор электронных текстов, собранных с целью максимально точно представлять исследуемый вариант языка» (*McEnery, Wilson 2001: 24*). Определение В. А. Плунгяна включает обязательное наличие в корпусе «научного аппарата»: корпус – это «собрание текстов на данном языке, представленное в электронной форме и снабженное научным аппаратом. Аппарат, «встроенный» в корпус, обычно называется «разметкой», или «аннотацией», корпуса; корпус тем лучше, чем полнее и совершеннее его аннотация.» (*Плунгян 2005б*).

На сегодняшний день существует большое количество корпусов, предназначенных для решения самых разных исследовательских задач. В. П. Захаров предлагает следующие критерии для их классификации (*Захаров 2005: 13*):

- тип данных (письменные, речевые, смешанные),
- язык текстов (русский, английский и т. д.),
- параллельность (одноязычные, двуязычные, многоязычные),
- «литературность», специфичность (литературные, диалектные, разговорные, терминологические, смешанные),
- жанр (литературные, фольклорные, драматургические, публицистические),
- доступность (свободно доступные, коммерческие, закрытые),
- назначение (исследовательские, иллюстративные),

- динамичность (динамические, статические),
- разметка (размеченные, неразмеченные),
- характер разметки (морфологические, синтаксические, семантические, просодические и т. д.),
- объем текстов (полнотекстовые, «фрагментотекстовые»),
- «общность» (общие, одного писателя),
- структура (центральные и архивные, ядерные и периферийные).

Объектом настоящего исследования является устная монологическая речь, поэтому особый интерес представляют звуковые корпуса, содержащие именно этот тип речи.

Одним из самых крупных русскоязычных монологических корпусов является проект «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» (<http://spokencorpora.ru/>), включающий следующие модули устной русской монологической речи:

1) рассказы о сновидениях: 129 рассказов детей и подростков об увиденном во сне (около 14 тыс. словоупотреблений);

2) рассказы сибиряков о жизни: нарративы 17-ти жителей Новосибирска на свободную тему (около 5 тыс. токенов);

3) веселые истории из жизни: устный и письменный рассказы 20-ти человек о смешных происшествиях в их жизни (около 10 тыс. словоупотреблений);

4) истории о подарках и катании на лыжах: группа корпусов, которые содержат тексты-описания изображений и тексты-воспоминания об изображениях, записанные через 6–8 часов от тех же информантов. Содержат тексты на русском (40 текстов, около 4,5 тыс. токенов), армянском (40 текстов, около 4,5 тыс. словоупотреблений) и японском (40 текстов, около 4 тыс. токенов) языках.

Источником материала для настоящего исследования, как уже было сказано во введении, является «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), которая состоит из двух блоков: речь носителей русского

языка и речь носителей других языков, изучающих русский как иностранный. Блок интерферирующей русской речи представляет собой следующую структуру:

- русская интерферирующая речь американцев – 68 дикторов, 210 текстов, 10 часов звучания;
- русская интерферирующая речь китайцев – 10 дикторов, 70 текстов;
- русская интерферирующая речь франкофонов – 8 дикторов, 8 текстов;
- русская интерферирующая речь голландцев – 27 дикторов, 27 текстов;
- русская интерферирующая речь итальянцев – 4 диктора, 4 текста⁵.

Тексты, представленные в САТ, были записаны от информантов, которые выполняли различные коммуникативные задания (описание сюжетного и несюжетного изображения; чтение и пересказ сюжетного и несюжетного текста; свободный рассказ на заданную тему). В настоящем исследовании использован один тип коммуникативного сценария – свободный рассказ на заданную тему.

Пользовательский подкорпус представляет собой устную интерферирующую монологическую речь, созданную по одному типу коммуникативного сценария – рассказ на заданную тему (впечатления о Санкт-Петербурге). Все монологи были записаны от носителей трех европейских языков (французского, нидерландского, итальянского). Очевидно, что такой выбор материала действительно «дает возможность сравнивать специфические черты спонтанной русской речи говорящих на родном и неродном языке, выявлять универсальные черты спонтанности (в рамках различных коммуникативных сценариев) и те, что обусловлены интерференционными процессами, возникающими при контакте двух конкретных языков» (*Звуковой корпус...* 2013: 101).

⁵ Блок интерферирующей речи итальянцев был записан специально для настоящего исследования.

1.6. Выводы по главе

В настоящей главе работы были описаны основные теоретические положения, на которых основано исследование. Основное внимание в разделе уделяется понятию спонтанного монолога и его особенностям. Далее было рассмотрено понятие межъязыковой интерференции на современном этапе ее описания, поскольку материалом исследования являются рассказы на свободную тему информантов-инофонов. В первой части главы были также описаны хезитационные явления в устном дискурсе.

Во второй части главы была освещена литература, посвященная повтору как явлению звучащей речи, определены основные типы повторов, которые будут описаны в работе: повтор-хезитация и повтор-коррекция. Отмечено, что объединение этих двух типов повтора по ряду причин не представляется целесообразным.

Настоящее исследование было проведено на корпусном материале (корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека»), поэтому в завершении главы была рассмотрена специфика корпусного подхода к анализу устной речи, рассмотрены корпусы монологической речи, описаны блоки используемого корпуса и обозначена его специфика.

В заключение стоит отметить, что результатом главы служит теоретическое описание одного из видов повтора (повтора-коррекции), который ранее не был проанализирован в научной литературе как отдельное явление.

ГЛАВА 2

АНАЛИЗ ПОВТОРА-ХЕЗИТАЦИИ И ПОВТОРА-КОРРЕКЦИИ В РЕЧИ ИНОФОНОВ

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для исследования в настоящей работе послужили 39 транскриптов (расшифрованных текстов) устных спонтанных монологов, созданных в рамках одного вида коммуникативного сценария – свободный рассказ на заданную тему «Ваши впечатления о Санкт-Петербурге».

Общее количество информантов, речь которых была проанализирована, – 39 человек, количество анализируемых единиц (контекстов с повтором) – 272. Состав информантов с учетом их социальных и психологических характеристик оказался таков.

1. По гендерному признаку:

- 18 мужчин (информанты-голландцы – 12 муж., информанты-франкофоны – 4 муж., информанты-итальянцы – 2 муж.);
- 21 женщина (информанты-голландцы – 15 жен., информанты-франкофоны – 4 жен., информанты-итальянцы – 2 жен.).

При создании пользовательского подкорпуса предполагалась гендерная балансировка, однако затем было решено проанализировать весь записанный материал, не исключая информантов с весьма лаконичными высказываниями. Отметим, что под *гендером* понимается не только пол человека с его биологическими и физиологическими особенностями, но и целый комплекс социальных и психологических явлений, которые с ним связаны. Р. И. Аванесов писал, что «различия в языке, связанные с возрастом и полом говорящих, <...> тоже имеют социальный характер (а не биологический)» (Аванесов 1984: 9).

2. По возрасту:

- 1 группа, поздняя юность (18-25 лет) + 2 группа, ранняя зрелость (25-34) – 36 информантов;
- 3 группа, средняя зрелость (35-44 года) – 0 информантов;

- 4 группа, поздняя зрелость (45-55/60 лет) – 3 информанта.

Используемая возрастная классификация была предложена Академией педагогических наук СССР и дополнена А. С. Штерн (*Штерн* 2006: 131-132) (поздний юношеский возраст (18–24 года), ранняя зрелость/первый период среднего возраста (25–34 года), средняя зрелость/первая часть второго периода среднего возраста (35–44 года), поздняя зрелость/вторая часть второго периода среднего возраста (45–55/60 лет)). Было также учтено более дробное деление периода зрелости (среднего возраста), обозначенного Е. В. Ерофеевой (ранняя зрелость – 25–34; средняя зрелость – 35–44; поздняя зрелость – 45–55 (*Ерофеева* 2005: 131)). Из-за специфики анкетирования первые две группы в настоящем исследовании было объединены.

3. По уровню владения русским языком:

- В1 (базовый) – 21 информант;
- В2 (средний) – 18 информантов.

Уровень владения русским языком большинства информантов В1 – пороговый уровень (*Threshold Level*) и В2 – постпороговый уровень (*Vantage Level*), согласно Российской государственной системе тестирования иностранных граждан (<http://www.russia.edu.ru/rus/levels/>). Отметим, что тестирование для определения уровня владения языком для настоящего исследования не проводилось, он был установлен со слов информантов и их преподавателей.

4. По психологическим характеристикам (представлены не для всех информантов; количество говорящих, психологические характеристики которых известны, – 36 человек).

Для определения ориентированности личности на экстравертный или интровертный тип поведения был использован личностный опросник Г. Ю. Айзенка (*Личностный опросник EPI* 1995). При записи для корпуса САТ информанты прошли третий личностный опросник EPI (*Eysenck Personality Inventory*), содержащий 57 вопросов: 24 из них направлены на выявление экстраверсии-интроверсии, еще 24 – на оценку эмоциональной стабильности-

нестабильности (нейротизма), остальные 9 составляют контрольную группу вопросов, предназначенную для оценки искренности испытуемого, его отношения к обследованию и достоверности результатов (http://psylab.info/Айзенка_личностный_опросник).

Информантам предлагался тест на родном или английском языке, так как не все тестируемые на момент прохождения теста достаточно хорошо владели русским языком.

Экстраверт, по Г. Айзенку, – это общительная, ориентированная вовне личность, которая действует под влиянием момента. Он импульсивен, вспыльчив, беззаботен, оптимистичен, добродушен, весел. Предпочитает движение и действие, имеет тенденцию к агрессивности. Не проявляет строгого контроля чувств и эмоций, склонен к рискованным поступкам (*Личностный опросник EPI 1995: 222–224*). Экстраверты «думают вслух, говорят большую часть времени, менее сосредоточены на себе и склонны переходить от темы к теме» (*Teiger, Barron-Teiger 1998*). Направленность их внимания на содержание речи относительно невысокая (*там же*).

Типичный (глубокий) *интроверт* – это спокойный, застенчивый, интроективный человек, склонный к самоанализу, сдержанный и отдаленный от всех, кроме близких друзей, несколько пессимистичный. Он планирует и обдумывает свои действия заранее, любит во всем порядок, контролирует свои чувства, его сложно вывести из себя, он высоко ценит нравственные нормы (*Личностный опросник EPI 1995: 222–224*). Интроверт «прежде, чем совершить действия, тщательно продумывает их <...>. Психологические защитные средства включают в себя добросовестность, щепетильность, педантичность, бережливость, осторожность, недоверчивость, умеренность, совестливость, честность, прямоту, вежливость. *Интроверсия* – это пассивная, но энергоэкономная и защитная установка психики, ведущая к освоению и углублению уже имеющегося, сосредоточенная на внутреннем мире» (*Журавлева 2008*) Обычно интроверты предпочитают письменную речь устной. В своей речи они не инициативны, поэтому предпочитают ответные

реплики. Однако направленность внимания на содержание диалога у них высокая, именно поэтому их реплики характеризуются подготовленностью и продуманностью (Журавлева 2008).

Отметим также, что зачастую деление на экстравертов и интровертов весьма условно. Р. М. Фрумкина справедливо отмечает, что абсолютные интроверты и экстраверты встречаются не часто (Фрумкина 2001: 278). Сочетание черт экстраверта и интроверта порождает третий («промежуточный») психотип – *амбиверт*, к которому относится наибольшее количество людей, согласно нормальному распределению. Таким образом, в соответствии с результатами теста, информанты поделились на следующие группы:

- экстраверты – 15 информантов;
- интроверты – 10 информантов;
- амбиверты – 11 информантов.

Представленный материал анализировался с помощью описательного и сравнительно-сопоставительного *методов*. В качестве дополнительного использовался метод простых количественных подсчетов.

На первом этапе исследования был записан блок русской интерферированной речи носителей итальянского языка, состоящий из четырех текстов на русском языке как иностранном. Все информанты заполнили социологические анкеты и прошли психологический тест Г. Ю. Айзенка (на итальянском языке). Затем на диктофон были записаны их монологи-рассказы на тему «Ваши впечатления о Санкт-Петербурге». Материал был расшифрован в орфографическом виде с расстановкой границ синтагм и использованием специальных помет для пауз хезитации, как незаполненных (*П), так и заполненных (э-эм, м-м), а также паралингвистических явлений (смех (<смех>), кашель (*К), причмокивания (*Г), цыканья (*Ц) и др.). Метаданные информантов-итальянцев представлены в табл. 1.

Метаданные информантов-итальянцев

Информант	И1	И2	И3	И4
Параметр				
Уровень владения русским языком	В2	В2	В1	В1
Гендер	Ж	М	М	Ж
Возраст	23	45	24	27
Психотип (экстраверт / интроверт / амбиверт)	Э	И	А	Э

На втором этапе исследования был составлен пользовательский корпус материала, в который вошли ранее записанные монологи носителей французского и нидерландского языка.

На третьем этапе работы на основе собранного материала была составлена классификация повторов, возникающих в монологах иностранцев на русском языке в результате речевого затруднения.

Наконец, последним этапом многоаспектного анализа стало проведение количественных подсчетов.

Кроме того, была произведена попытка социо- и психолингвистического анализа материала, который предоставил бы информацию о частоте встречаемости метакоммуникации в речи мужчин и женщин и информантов разных психологических типов.

Таким образом, многоаспектный анализ материала показал, как два типа повтора, которые встречаются в интерферированной русской речи, функционируют в устных монологах на неродном языке.

2.2. Повтор в интерферированной русской речи (на материале исследования)

Отметим еще раз, что повтор является довольно распространенным явлением устной речи. Об этом свидетельствуют исследования, посвященные описанию повтора в речи иностранцев на самом различном материале. Так

Чэн Чэнь рассматривает повтор как гезитационное явление в русской речи носителей китайского языка. Такой тип повтора приравнивается исследователем к паузе гезитации, поскольку «он часто используется говорящим в момент речевого колебания, связанного с выбором подходящего лексического наполнения заранее созданной синтаксической структуры» (Чэн Чэнь 2018: 95). Однако эти явления равны не всегда, поскольку пауза гезитации – это не всегда повторение лексемы целиком, зачастую это могут быть отрезки слова или нечленораздельные звуки. Исследователь выделяет два типа повтора-гезитации – с коррекцией (1) и без коррекции (2):

- 1) *например / н-н [каждая суббо-та [ы-н [каждая суббота / мне надо стирать [ы-н [стирать комнату* (И4, жен., 3 ур., И, рассказ)⁶;
- 2) *он хотел ы-н чистить [[ы-н он хотел простирнуть [ы-н [рубаху / поэтому он побежал к прачку / и-и [на другой день [ы-н [герой [рассказа [ы-н [подошёл к прачке* (И5, муж., 2 ур., А, пересказ сюж.).

Такое деление можно считать справедливым, однако в настоящем исследовании, как было сказано, такие примеры рассматриваются как два разных типа повтора – *повтор-гезитация* и *повтор-коррекция*. Отметим, что в материале исследователя (русская речь носителей китайского языка) практически все повторы без коррекции сопровождаются гезитационными элементами, а в описываемых нами монологах коррекция единиц часто производится говорящими без заминок и пауз, что не позволяет относить такие примеры к указанному виду повтора.

Повтор-гезитация был описан и в работе М. В. Казак (на материале русской речи франкофонов) (Казак 2015б: 52), где повтор-коррекция тоже был рассмотрен как один из вариантов П-Х, например:

- 3) *а-а *П потому что(:) э-э я хочу(:) изуч-ча(:)ет а-а *П я хочу изучат *П э-э русский язык* (муж., А, А1)⁷.

⁶ Все примеры в работе Чэн Чэнь атрибутированы следующим образом: в скобках после контекста указан номер информанта (И1, И2 и т. д.), его пол, уровень ТРКИ (2 или 3), психотип (И, Э, А), а также тип текста (чтение (сюж./несюж.), пересказ (сюж./несюж.), описание (сюж./несюж.), рассказ) (Чэн Чэнь 2018: 48). Знак (/) обозначает паузу гезитации (короткую).

⁷ Примеры в работе М. В. Казак атрибутированы следующим образом: в скобках после контекста указан пол информанта (муж./жен.), психотип (И, Э, А), и уровень владения языком (А1, А2). Знак (*П) обозначает паузы гезитации (физический перерыв в звучании речи, «ноль звука») (Казак 2015б: 60).

М. В. Казак отмечает, что в речи некоторых экстравертов повторы (наряду с другими хезитационными элементами) отсутствуют, а в речи одного из интровертов повторы и самоперебивы оказались наиболее частотными явлениями.

Наконец, в работе Т. Д. Капустиной (*Капустина 2020: 54*), построенной на анализе репродуктивов на неродном (русском) языке китайцев, повтор, наряду с паузами, описан как одно из свидетельств того, как сложно информантам пересказать несюжетный текст на иностранном языке, ср.:

- 4) [ц... [ц... [ц... [целая картина; это уже-е [ы-н [мп [ранее [ы н [ранняя
[ы-н весна; ы-н [и-и [ы-и [эта история / произошла-а [ы-н [в в пол-
день полдень (Иб).

Таким образом, традиционно в интерферированной русской речи анализируется один вид повтора – повтор-хезитация, с возможной коррекцией. Рассмотрим указанный тип на материале пользовательского подкорпуса.

2.3. Повтор-хезитация в речи инофонов (классифицирующие признаки)

В настоящей работе повтор-хезитация описан с учетом некоторых его характеристик, к которым можно отнести:

- 1) структурный тип П-Х;
- 2) состав П-Х;
- 3) сопутствующие хезитационные элементы.

Под *структурным типом* повтора понимается то, из каких элементов состоит повтор. Как известно, повторяться может отдельное слово, целое высказывание или его часть. Как было отмечено К. С. Федоровой, необходимо различать (1) *полные повторы* (высказывание воспроизводится целиком), (2) *сокращенные повторы* (воспроизводится часть высказывания), (3) *повтор с заменой элемента* (одна или несколько лексем заменяются на синонимичные) и (4) *расширенный повтор* (высказывание распространяется за счет второстепенных членов предложения или подчиненного предложения) (Федорова 2001: 248-249). Отметим, что в материале настоящего исследования не встретился тип повтора целого высказывания: повтор-хезитация в речи иностранцев представлен в основном словом или словосочетанием.

Состав повтора – это то, к каким частям речи принадлежат повторяемые элементы. Отметим, что эта характеристика относится только к лексемам. В исследуемом материале повторы с точки зрения состава были разделены на две группы: (1) повтор глагольных частей речи и (2) повтор именных частей речи.

Наконец, описание *сопутствующих хезитационных элементов*, под которыми понимаются хезитационные явления, встречающиеся до или после повтора, было произведено с опорой на следующую классификацию:

- 1) пауза (заполненная и незаполненная);
- 2) растяжка звуков (гласных и согласных);
- 3) обрыв;
- 4) паралингвистические явления (смех, кашель, вздох и др.);
- 5) скандированное произнесение слова или его части.

Отметим, что не каждый П-Х сопровождается такими явлениями.

Таким образом, описание повтора-коррекции в настоящей работе произведено с учетом трех параметров. Рассмотрим их подробнее.

2.3.1. Структурные типы повтора-хезитации

Наиболее частотным структурным типом повтора-хезитации в интерферированной речи представителей трех языков стал *повтор слова*:

- 1) *потому что это(:) *П (э-м) много(:) *П (м-м) красивие *П красивие здании(:) и (м-м) тоже Эрмитаж тоже *С много му-зе-ев (э-м) (а-м) всё *С (ИЗ, м., франц.)*⁸;
- 2) *мне здесь нравится / но я скучаю **по(:) по** дому скучаю / и скучаю по еде / психологически наверно я ещё не привыкла **к к** русской еде / наверно да //* (И1., ж., итал.).

Примечательно, что повторяться могут не только самостоятельные части речи: *красивие* в примере (1), – но и служебные: в примере (1) информант повторяет союз *тоже*, в примере (2) – предлоги *по* и *к*. Отметим, что в контексте (2) встречается и другой вид повтора – лексический (*скучаю*), однако такие типы повторов не представляют интерес для настоящего исследования,

⁸ Все примеры из пользовательского подкорпуса настоящего исследования атрибутированы следующим образом: в скобках после контекста указан номер информанта (И1, И2 и т. д.), его пол (м., ж.) и родной язык (франц., итал., нид.).

поскольку не имеет отношения к хезитации и коррекции.

Интересным для анализа является пример, в котором к повторяемому слову добавилась частица *ну*, которая считается одной из самых многозначных частиц в русском языке⁹:

- 3) *уже се... **шесть** *П ну **шесть** лет назад я сюда ездила (э – э) и поэтому это не был мой первый раз (И1., ж., итал.)*

Очевидно, что говорящий испытывает затруднения (не языкового, а в данном случае фактологического характера) при построении фразы, поскольку не может точно вспомнить необходимую информацию. Об этом свидетельствует предшествующий обрыв *се...* и пауза между повторами. Частица *ну* помогает информанту, как бы утверждает его высказывание и имеет в данном случае не совсем словарное значение. В приведенном высказывании ее можно отнести к «ну “выбора”», по классификации А. Д. Шмелева (Шмелев 2005: 520). Говорящий будто говорит: «Я не уверен, что именно шесть, но пусть будет шесть».

В некоторых случаях информант «достраивает» повтор до словосочетания. В примере (4) говорящий (скорее всего, заметивший свою грамматическую ошибку, о чем свидетельствуют паузы *П, но не исправивший ее) повторяет слово, добавляя еще одну единицу: *с русским / *П с русским людей*. В результате происходит своеобразный обрыв: словосочетание изначально не было произнесено, однако после некоторой заминки (или попытки исправления ошибки) говорящий все-таки его воспроизводит, ср.:

- 4) [почему вы решили изучать русский язык?] *по-то-му что я хочу работать э-эм *П с русским / *П с русским людей *П эт... я изучаю международные отн... отне... отлишения *П не знаю (И1, ж., франц.)*

Повтор словосочетаний и конструкций также встретился в анализируемом материале. Рассмотрим такие примеры подробнее:

- 5) *и видеть такие **большие перспективы** и(:) / *П **большие перспективы** тогда пробки есть / машина ездят / но все-таки природа существует здесь*

⁹ В МАС для частицы *ну* выделяется 7 разновидностей: вопросительная (в сочетании с частицей *да*), вопросительная, вопросительная (в сочетании со словом *как*), усилительная, в значении союза, указывающего на вывод, в сочетании с инфинитивом, в значении «допустим, положим» (МАС 1986: 513-514).

(И1., ж., итал.);

- б) *я вижу особенно разница разницу / но(:) когда я узнаю человека пото(:)м *П человека потом [а] / это(:) (м-м) *П легче легче [б]* (ИЗ., муж., 45 л., итал.).

Вероятнее всего, в примере (5) говорящий повторяет словосочетание тоже по причине того, что замечает ошибку или недочет. Исправление представляет сложность, о чем свидетельствует пауза *П между исходным словосочетанием и повтором, а также затяжка гласного звука (*и(:)*). Примечательно, что говорящий уже собирался построить следующую фразу и произнес союз *и*, но после этого остановится и повторил сказанное.

В примере (6а) о причинах повтора остается лишь догадываться. Возможно, информант решил, что допустил ошибку, но если обратить внимание на все высказывание, то можно заметить, что говорящему свойственны остановки, затяжки звуков и повторы (два на короткий речевой фрагмент). Если первый повтор (6а), без сомнения, можно отнести к П-Х, то пример (6б) относится, скорее, к средству выразительности и служит для усиления мысли. В данном контексте встречается и повтор-коррекция (*разница разницу*), который будет описан в следующих разделах исследования.

Таким образом, структурные типы повтора-гезитации в материале настоящего исследования представлены двумя видами: повтор слова или словосочетания. Количественная характеристика материала может быть представлена в следующем виде – см. рис. 1.

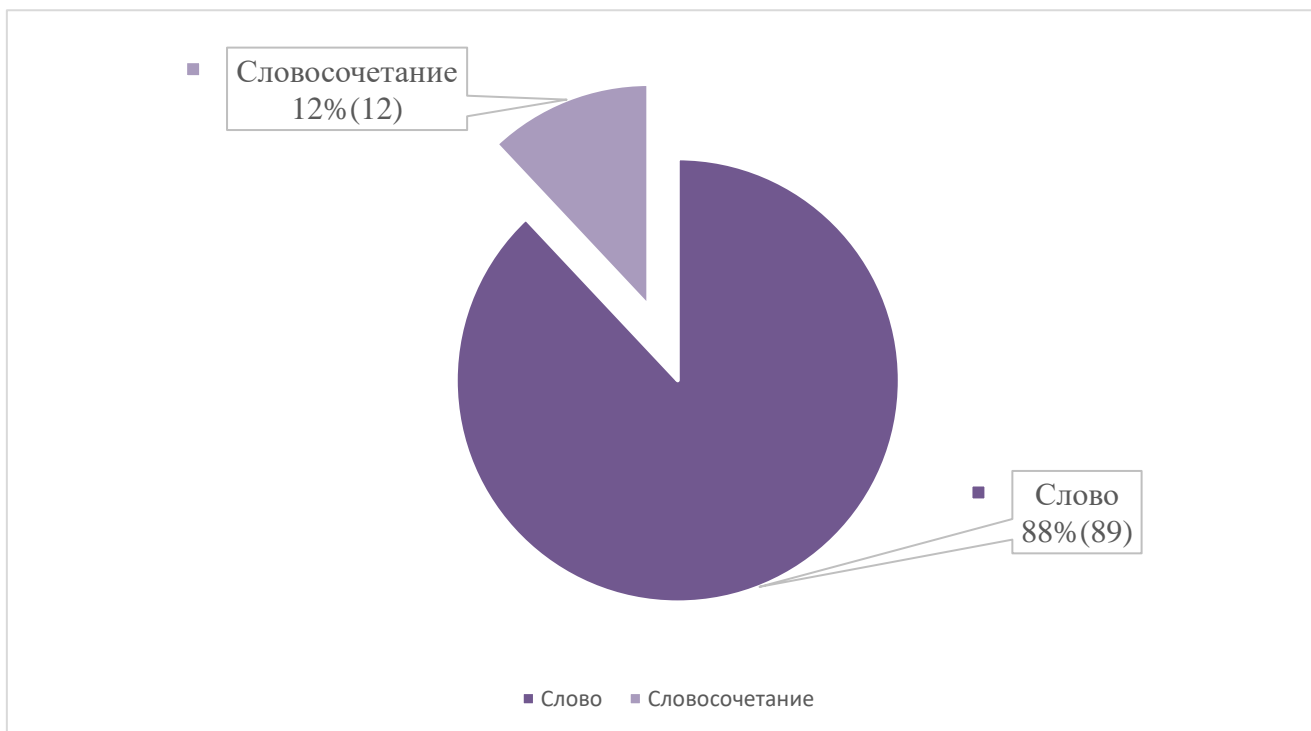

Рис. 1. Структурные типы П-Х

2.3.2. Состав повтора-хезитации (морфологический аспект)

Частеречная принадлежность повторяемых единиц, по мнению Л. И. Савченко, является важным параметром классификации повторов (Савченко 1984: 86). Отметим, что исследователь рассматривает указанное явление как стилистическую категорию в прозаических текстах, однако для П-Х, который встречается только в устном дискурсе, такая характеристика тоже оказывается значимой.

Практически все примеры повторов-хезитаций в анализируемом материале представляют собой повтор именных частей речи:

- 7) *я люблю гулять в центре Петербурга и ха как (м-м) *П потому что это(:) *П (э-м) много(:) *П (м-м) красивые *П красивые здания(:) и (м-м) тоже Эрмитаж тоже *С много му-зе-ев (э-м) (а-м) всё *С (ИЗ, м., франц.);*
- 8) *(эм-м) и есть тоже (э-э) очень вкусные (э-э) вкусные рестораны (И25, ж., нид);*
- 9) *[почему вы решили изучать русский язык?] по-то-му что я хочу работать э-эм *П с русским / *П с русским людей *П эт... я изучаю международные отн... отне... отличия *П не знаю (И1, ж., франц.).*

Зачастую повторяется зависимая часть в подчинительном именном словосочетании (7)-(9), что свидетельствует, что информанты-инофоны

испытывают затруднения при построении грамматических связей между словами. Отметим, что во всех представленных контекстах повтор-хезитация сопровождается другими хезитационными явлениями: в примере (7) это пауза (*П) и затяжка звука в последующем слове (*здании(:)*), в следующем высказывании (8) – заполненная пауза хезитации (э-э), в контексте (9) – паузы до и после повтора. Все это свидетельствует о речевых сложностях, которые испытывают говорящие при построении монологического высказывания на неродном языке.

Еще одним частотным явлением стал повтор-хезитация при личных местоимениях в монологах говорящих:

- 10) *(э-э-э) ну (э-э) мне очень нравятся пельмени // <смех> я... я очень по... по ним скучилась <смех> (И23, ж., нид);*
- 11) *это потому что я(:) я люблю гулять в центре Петербурга и ха как (м-м) *П потому что это(:) *П (э-м) много(:) *П (м-м) красивые *П красивые здании(:) и (м-м) тоже Эрмитаж тоже *С много му-зе-ев (э-м) (а-м) всё *С (САТ; ИЗ, м., франц.);*
- 12) *ну / мне было так я холодно я... я ожидала (э-э) что будет кошмарно но хорошо <смех> (И23, ж., нид.)*

В примерах (10)-(12) повтор сопровождается обрывом фразы¹⁰.

В описываемом материале встретился лишь один пример повтора-хезитации глагольной части речи:

- 13) *и (э-эм) но в прошлые (э) года я много посетила *П посетила (эм-м) такие (м) выставки / всё // (эм-м) *В здесь очень много конечно (эм) чтобы посетить (э-э) // мне во... мне очень нравится например Эрарта // (И16, жен., нид.)*

Повтор в данном случае вызван необходимостью поиска следующей после глагола языковой единицы, само повторяемое слово, кажется, не вызывает у информанта трудностей.

Таким образом, 88 повторов-хезитаций слов (99 %) в пользовательском подкорпусе относятся к именным частям речи, и лишь один пример – к глагольным.

¹⁰ Об обрывах слова см. следующий раздел работы.

2.3.3. Сопутствующие повторам хезитационные явления

Наиболее частотным «соседом» повтора-хезитации является *обрыв*. По этой причине зачастую довольно сложно классифицировать некоторые примеры, в которых эти два явления встречаются рядом. Обрыв описывают как своеобразное «заикание», при котором говорящий в потоке речи по каким-либо причинам сбивается, обрывает слово и часто затем повторяет его (*Звуковой корпус...* 2013: 179). Отметим, что обрыв рассматривается и как «точка сбоя» в устном речепорождении, для которой традиционно выделяется несколько способов отмены: *нулевая отмена* (оборванное слово повторяется (договаривается) без всякой коррекции); *частичная отмена* (повтор с коррекцией); *полная отмена* (оборванное слово брошено, говорящий к нему больше не возвращается, хотя коррекцию всего высказывания все же обычно осуществляет) (*Богданова-Бегларян* 2020: 557; см. об этом также: *Филиппова* 2010; *Звуковой корпус...* 2013). Очевидно, что во всех случаях «соседства» П-Х и обрыва говорящий производит нулевую отмену, ср.:

- 14) *(э-э-э) тоже а тоже очень интересные места это (э-э-э) Лавра Александра Не... Александра Невского* (И19, м., нид.);
- 15) *я вырос в маленькой деревне и / и мне трудно жить в большом в большом го... в большом городе да* (И21, м., нид.)

В примере (14) информант испытывает сомнения при произношении имени собственного, о чем свидетельствуют предшествующие неречевые звуки (э-э-э) и собственно повтор-хезитация. Прежде чем произнести название целиком, говорящий, вероятнее всего, пытается его вспомнить. При этом нельзя сказать, что заминка вызвана артикуляторными сложностями, ведь информанту сразу удается произнести найденное слово.

Следующий контекст (15) интересен тем, что повтор произносится дважды. Не совсем понятно, почему говорящий затрудняется произнести фразу, ведь никаких «сигналов» в виде пауз или других хезитационных элементов в предшествующем речевом отрезке нет. В конце реплики информант как бы с облегчением произносит *да*. Указанную частицу в данном примере можно классифицировать как маркер метакоммуникации, которым

говорящий подтверждает справедливость сказанного и который часто встречается в финале высказываний¹¹.

Еще одним частым спутником повтора-хезитации ожидаемо стала физическая пауза – перерыв (разной длительности) в звучании, не связанный с синтагматическим членением текста (Чэн Чэнь 2018: 48). В описываемом материале встречается несколько положений пауз по отношению к повтору: предшествующая (16), пауза до и после повтора (17):

16) *и видеть такие **большие перспективы** и(:) / *П **большие перспективы** тогда пробки есть / машина ездят / но всё-таки природа существует здесь (И1., ж., итал.);*

17) [почему вы решили изучать русский язык?] *по-то-му что я хочу работать э-эм *П с **русским** / *П с **русским** людей *П эт... я изучаю международные отн... отне... отличия *П не знаю (И1, ж., франц.).*

В примере (16) есть еще один тип сопутствующего ХЯ – затяжка звука. Примечательно, что она происходит не в повторяемом слове, а между двумя словосочетаниями. Вероятнее всего, говорящий заметил фонетическую ошибку, но не смог ее исправить.

Среди сопутствующих П-Х хезитационных явлений можно также выделить заполненные паузы хезитации (18) и даже паралингвистические элементы (ПЭ) (19). Под ПЭ традиционно понимают такие явления, сопровождающие естественную речь, как смех, кашель, вздох и другие. Паралингвистика занимается невербальной семиотикой как таковой, то есть не только звуковыми кодами, но и жестами (кинесика), языком глаз (окулесика), слуховым восприятием (аускультация), тактильными (гаптика), вкусовыми (гастика) ощущениями и запахами (ольфакция) (Звуковой корпус... 2013: 221).

18) *Петербург это город крупный город // [скажите что вам нравится тут больше всего] // архитектура **конечно конечно** (э-э-э) (И20, м., нид.);*

19) *(э-э) ну (э-э) <смех> (э-э) это очень большой город (э-э) Амстердам это как Амстердам **маленький** <смех> **город / маленький город** // и (э-э-э) (И25, ж., нид.).*

В контексте (19) повтор вызван тем, что первичное произнесение

¹¹ Подробнее о функциях частицы *да* см.: Звуковой корпус... 2015; Шершнева 2015.

словосочетания было прервано смехом. Несмотря на то что высказывание информантов было монологическим, они старались сделать его понятным для восприятия. Вероятно, говорящий решил, что не совсем четко произнес фразу, прерываемую паралингвистическим явлением, поэтому повторил ее.

Отметим, что не каждый П-Х сопровождается хезитационными элементами, ср:

- 20) *но(:) я была здесь / первый раз я была в Петербурге (м-м) *П это июл / и поэтому поэтому была солнце / но очень много дожди *П дождей / да / и(:) сейчас холодно (И4, жен., итал.);*
- 21) *а *П внутри мраморные колонны зелени *П вообще мне очень мне очень понравились (И1, жен., итал.).*

В таких случаях повтор довольно сложно классифицировать, поскольку по письменной расшифровке не всегда понятна интенция говорящего: он повторил из-за речевого колебания или намеренно. По этой причине для контекстов типа (20) и (21) был произведен *слуховой анализ*, который позволил отнести такие случаи к П-Х. Несмотря на то что повтор не сопровождается здесь даже физической паузой, видно, что информанты испытывали затруднение, которое и привело к появлению повтора-хезитации в их высказывании.

Таким образом, в большинстве случаев П-Х сопровождается другими хезитационными явлениями (в 96 случаях из 101, 95 %), которые, с одной стороны, позволяют точно классифицировать тип повтора, с другой стороны, помогают увидеть, как говорящие на неродном языке справляются с речевыми затруднениями.

Количественная характеристика повтора-хезитации по этому критерию представлена на рис. 2.

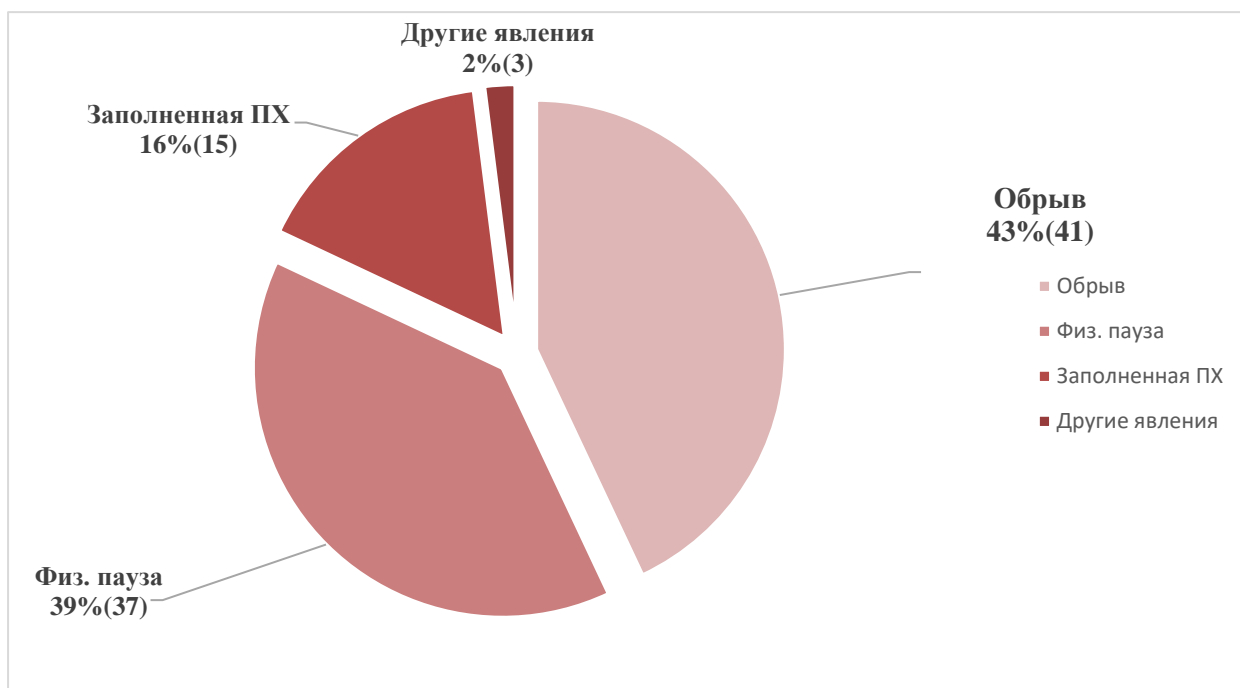

Рис. 2. Сопутствующие П-Х хезитационные явления

2.4. Повтор-коррекция в речи инофонов (классифицирующие признаки)

Повтор-коррекция (П-К) как вид повтора представляет наибольший интерес для настоящего исследования. Представляется, что анализировать это явление необходимо с учетом следующих критериев:

- 1) тип коррекции (правильная, неправильная, антикоррекция);
- 2) тип ошибки (грамматическая, фонетическая¹²);
- 3) структурный тип повтора-коррекции;
- 4) сопутствующие хезитационные явления.

Некоторые предложенные характеристики были применены и для описания повтора-хезитации (структурный тип повтора и возможные сопутствующие ХЯ). Отметим, что рассмотрение П-К с точки зрения состава (морфологический аспект) не было произведено, поскольку описание типов ошибок позволяет увидеть, какие части речи повторяются и корректируются

¹² По данным анализа материала пользовательского подкорпуса, повтор-коррекция возникает при попытке исправления только этих двух типов ошибок.

чаще всего, поэтому для повтора-коррекции интересным кажется то, какие единицы исправляются говорящим и удачно ли произведена коррекция.

Отметим, что хезитационные элементы не всегда появляются там, где есть повтор-коррекция, поэтому их описание будет представлено лишь для некоторых контекстов.

2.4.1. Тип коррекции

Под *коррекцией* в устной речи понимается операция, которая направлена на исправление неправильно произнесенного элемента звуковой цепи. А. А. Кибрик и В. И. Подлеская называют коррекцию «“ретроспективной” реакцией на речевой сбой, которая возникает при обнаружении несоответствия изначальной программе и состоит в “отбраковке” некоторого, уже артикулированного, фрагмента дискурса» (Подлеская, Кибрик 2006: 8). Вслед за московскими исследователями, рассмотрим коррекцию, которая была инициирована самим говорящим, то есть *самокоррекцию*. Отметим, что самокоррекция является одним из распространенных явлений устной спонтанной монологической речи, поскольку коррекция в диалогическом дискурсе зачастую может быть произведена собеседником.

В материале пользовательского подкорпуса встретилось несколько типов коррекции. Первый из них представляет собой классический тип: говорящий замечает ошибку и исправляет ее, используя подходящую языковую единицу:

- 1) *но здесь это (а-а) немножко трудне... // [труднее] // труднее да не знаю почему может быть потому что (а-а) люди не очень привык // привыкли (а-а) иностранцами (э-э) к иностранцам* (И18, жен., нид.);
- 2) *но(:) я была здесь / первый раз я была в Петербурге (м-м) *П это июл / и поэтому поэтому была солнце / но очень много дожди *П дождей / да / и(:) сейчас холодно* (САТ, И4, жен., итал.);
- 3) *тем не менее (э) ц'итают / читают / и (э-э) русскую классику знают // [угу] // и это / ну у нас в Голландии (э-э) / *Ц это очень // есть на... конечно у нас люди которые / люди которые (э-э) занимаются и (э) хорошо знают (э) (э-э) нашу и / и в общем (э) рубежную литературу // [угу]* (И13, муж., нид.).

Примеры (1)-(3) демонстрируют успешную коррекцию: в контекстах (1)

и (2) информанты исправляют грамматические ошибки¹³, в примере (3) замечена и исправлена фонетическая ошибка.

Однако не всегда говорящему удастся найти правильный вариант и произвести коррекцию, ср.:

- 4) я думаю *П здесь *П **очень удобный транспорт** *П **удобные транспорти** [а] / и такси здесь очень дешеви / в Италии такси очень-очень **дороги дорогие** [б] (И1, жен., итал.);
- 5) *очень (...)* очень много **музее** (а-а) **музея** здесь / (а-а) и // мне больше всего *нравится* (ам-м) / *Русский музей* здесь / *потому что Эрмитаж* / *слишком много туристов по-моему* (И1, жен., нид.).

В примерах (4а) и (5) информанты пытаются исправить грамматическую ошибку, однако им это не удастся: вместо правильной формы допущена еще одна ошибка. Стоит отметить, что сама попытка коррекции свидетельствует о том, что говорящий при выстраивании монолога на неродном языке производит «контроль качества» речи, поэтому в таких случаях даже неудачное действие со стороны говорящего может быть положительно оценено исследователем.

В примере (4б) видим и еще один возможный тип коррекции – это *антикоррекция*. Как антикоррекция рассматриваются такие случаи, в которых говорящий по каким-либо причинам исправляет правильную речевую единицу на неверный вариант. Вероятнее всего, антикоррекция в рассматриваемом контексте вызвана тем, что намерение говорящего изменилось: вместо формы ед. ч. он решил, ориентируясь на свой родной язык, образовать форму мн. ч. для существительного, которое не имеет такой формы в русском языке. В следующем контексте (6) также наблюдаем пример антикоррекции в сочетании с успешной коррекцией:

- б) *а здесь борц только в ресторане // даже в столовой борц / борца/ б́орца нет* (И1., ж., итал.).

Сначала информант верно и почти без колебаний исправляет грамматическую ошибку (неправильная падежная форма существительного

¹³ См. о типах ошибок в следующем разделе работы.

борщ), однако затем верный и с фонетической, и с грамматической точки зрения вариант меняет на ошибочный. В результате выбранная единица оказывается неверной, хотя говорящий приложил много усилий для ее произнесения.

Рассмотрим еще один пример:

7) *конечно мы были в Русском музее очень много раз... разов [а] // но (а-а) пер... первые [б] два раза были интересные интересно [в] но / потом стало меньше меньше меньше [г] интересно потому что мы бы... мы были [д] там уже много разов уже [е]* (САТ; И21, муж., нид.).

Контекст (7) интересен многочисленными повторами разного типа и другими хезитационными явлениями. Случаи [а] и [в] демонстрируют упомянутый П-К с антикоррекцией, [д] и [е] – повтор-хезитацию (информант говорит и одновременно обдумывает дальнейшие фразы), а в случае [г] можно говорить о повторе как стилистическом приеме, который подчеркивает интенсификацию признака (*меньше меньше меньше*) и не имеет никакого отношения ни к хезитациям, ни к особенностям спонтанной речи вообще. Случаи антикоррекции в этом контексте различаются между собой. Повтор [а] произнесен с обрывом первой (правильной) попытки произнести форму слова (*раз... разов*). Говорящий абсолютно уверен в выбранном варианте, поэтому именно его он повторяет в конце фразы еще раз: *мы были там уже много разов*. В повторе [д] наблюдаем попытку информанта произнести правильное высказывание, но ошибка в глагольной форме (*были* вм. *было*) вынудила его «подстроить» под нее и следующую форму – *были интересные*. Однако говорящий все же почувствовал некоторую стилистическую «корявость» получившейся фразы (*первые два раза были интересные*) – и мгновенно исправил последнюю форму, что и создало эффект антикоррекции (*были интересно*). Видно, что информант следит за своей речью и всячески старается сделать ее более правильной.

В материале пользовательского подкорпуса встретились и немногочисленные случаи частичной коррекции:

8) *ну я думаю что Санкт-Петербург это очень красивый город / потому что*

архитектура / [угу] // (э-э) и / конечно голландские влияния / да // [угу] // от... от Петра [угу] // *S и это ... // я думаю это... это **чисная / чисный город** (И6, муж., нид.);

- 9) (э-эм) я не(:) (а-а) ещё (а-а) **попроваю** *П **попровала** [а](э-э) русская кухня русскую кухню [б] / *С может быть потом *С (И4, ж., франц.).

В контексте (8) говорящий замечает и исправляет грамматическую ошибку, которая связана с согласованием имени прилагательного и существительного (**чисная / чисный город**), и корректирует ее, однако фонетическая ошибка так и остается неисправленной. В таких случаях трудно понять, заметил ли говорящий вторую ошибку или она не исправлена по причине того, что информант ее не опознал. В примере (9а) информант тоже справляется с грамматической ошибкой (неверная временная форма глагола), но с произношением не справляется. Такие примеры позволяют говорить о том, что для инофонов фонетика зачастую оказывается более сложной для изучения, чем грамматика.

Количественная характеристика П-К с точки зрения типа коррекции представлена на рис. 3.

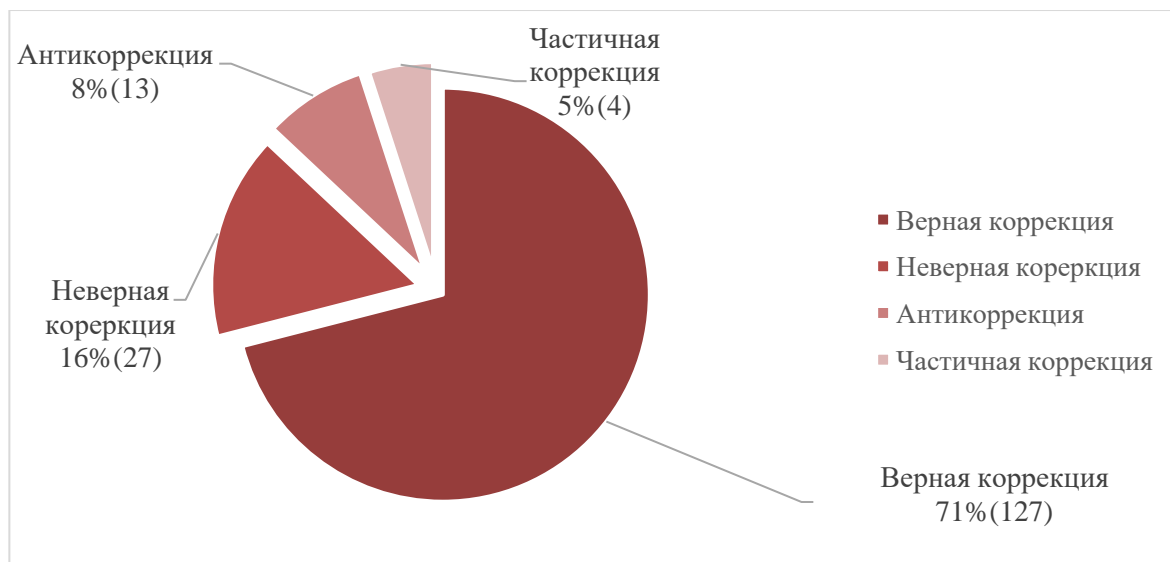

Рис. 3. Типы коррекции

Из приведенных данных видно, что в большинстве случаев (127 примеров из 171, 71 %) информантам удавалось исправить ошибку и найти верный вариант.

2.4.2. Тип ошибки при повторе-коррекции

Типология ошибок иностранцев в устной речи на русском языке – один из самых важных вопросов лингводидактики, как в исторической перспективе, так и на сегодняшний день. Не случайно некоторые исследователи говорят о необходимости выделения дисциплины, которая бы занималась рассмотрением теории ошибок. «Рабочее» название для этой области – «эрратология» (Шевнин 2009: 110-116).

Анализ ошибок и типов их исправления позволяет преподавателям корректировать направление учебного процесса для того, чтобы повысить качество речи иностранцев. Важным оказывается описание именно типичных, «часто встречающихся, относящихся к наиболее важным и сложным разделам изучаемого языка ошибок» (Леонтьев 1970: 39). По мнению А. А. Леонтьева, «ошибка является одним из важнейших орудий исследования нормального, правильного функционирования речевого механизма: она – это как бы сигнал «разошедшегося шва» в речевом механизме и может помочь раскрыть номенклатуру и иерархию таких швов, т. е. внутреннее строение речевой способности» (там же: 78).

Одним из оснований для классификации ошибок в речи иностранцев является деление на ошибки, связанные с аспектами языка (фонетические, грамматические, лексические) и ошибки, связанные с аспектами речи (фактические ошибки, несоответствие теме, смешение микротем и т. д.). (Балыхина 2007: 158-159). Для настоящего исследования интерес представляют ошибки первого типа, поскольку рассматриваемый тип повтора связан именно с языковыми ошибками в речи говорящих.

В пользовательском подкорпусе были найдены ошибки двух типов: фонетические и грамматические.

Фонетические ошибки представляют собой первую группу ошибок. Не случайно А. А. Реформатский, анализируя несовпадение фонетических систем разных языков, пришел к выводу, что отучиться от своего языка труднее, чем выучиться чужому (Реформатский 1961: 14). Особенности фонетической

системы русского языка зачастую вызывают трудности при произношении у инофонов:

- 10) *(a-a-a) семья / у которой // [ты живешь] // да я живу живу (a-a) // они очень быстро говорили по-русски мне было трудно чтобы понимать (a-a) что их сказали и (a-a) / да что еще *П (y-y) (жен., нид.);*
- 11) *ну я думаю что Санкт-Петербург это очень красивый город / потому что архитектура / [угу] // (э-э) и / конечно голландские влияния / да // [угу] // от... от Петра [угу] // *S и это ... // я думаю это... это чисная / чисный город (Иб, муж., нид.);*
- 12) *(a-a) *П потому что(;) (э-э) я хочу(;) изуч-ча(;)ет (a-a) *П я хочу изучат [а]*П (э-э) русский язык (э-э) / *П *Ц потому что моя продуга(;) моя подруга(;) [б] (э-э) живёт (э-э) в Санкт-Петербурге *П *Ц и(;) *П я хочу(;) (э-э) *П рабо(;)таю (э-э) в Санкт-Петербурге (И2, м., франц.).*

В примере (10) фонетическая ошибка, связанная с неверным произнесением согласного звука, замечается и легко исправляется говорящим. Однако в контексте (12) уже другой говорящий испытывает большие затруднения с произношением сразу нескольких единиц: в примере (12а) информант повторяет конструкцию, чтобы исправить грамматическую ошибку во видовременной форме глагола, и допускает фонетическую ошибку, не смягчая конечный согласный. Неизвестно, заметил ли говорящий фонетическую неточность, но многочисленные сопутствующие повтору гезитационные элементы (затяжки звуков, заполненные и незаполненные паузы) свидетельствуют о том, что «контроль качества» речи им все-таки производится. Далее информант снова допускает фонетическую ошибку (12б) – перестановка слогов в слове (*метатеза*), но после небольшой остановки (затяжка звука) повторяет слово и исправляется.

Некоторые фонетические ошибки говорящих связаны с просодической стороной речи:

- 13) *я / я родилась в очень маленький деревня // очень мало людей // и поэтому думаю что / мне не нравится эти большие гОроды / городЫ (И2, жен., нид.);*
- 14) *а здесь борщ только в ресторане // даже в столовой борщ / борща/ бóрща нет (И1., ж., итал.).*

В контекстах (13)-(14) информанты, наряду с грамматическими

ошибками, допускают и фонетические, испытывая трудности в постановке ударения.

Интересно, что в монологах носителей нидерландского языка встретилось наибольшее количество ошибок, связанных с произнесением согласных звуков:

- 15) *тем не менее (э) ц'итают / читают / и (э-э) русскую классику знают // [угу] // и это / ну у нас в Голландии (э-э) / *Ц это очень // есть на... конечно у нас люди которые / люди которые (э-э) занимаются и (э) хорошо знают (э) (э-э) нашу и / и в общем (э) рубежную литературу (И13, муж., нид.);*
- 16) *(э-эм) и / по-моему это (эм) (э-э) / первый момент / я думаю / я хочу (э) шнать / знать (э) много о Р... о России и (э) Санкт-Петербург // и поэ... тому что я был там двадцать раз (И9, жен., нид.);*
- 17) *так / Санкт-Петербург это очень красивый город // я здесь второй раз поэтому я уже / немновко / немножко зн... знаю об этом (э) об этом городе (И7, муж., нид.);*
- 18) *(э-эм) национальное... национальная кухня ужас // [угу] // ужас // (э) // здесь нет *П Овощей и (эм) мне очень трудно готовить здесь / потому что (эм) ин... ингрие... ингре... ингредиентов не хватает (И10, жен., нид.).*

В примерах (15)-(17) информанты допускают ошибки в произнесении отдельных согласных звуков, которые даже не являются парными по тому или иному признаку. Интересно проанализировать такие контексты с точки зрения межъязыковой интерференции: возможно, такие ошибки связаны с влиянием родного для информантов языка на фонетику иностранного. В контексте (18) говорящий вновь допускает две ошибки (грамматическую и фонетическую), но исправляет лишь одну, в согласовании прилагательного с существительным (*национальное... национальная кухня*). В этом же контексте можно отметить попытку произнести сложное с фонетической точки зрения слова *ингредиенты*: говорящий трижды пытается проговорить это слово, трижды обрывает его, и лишь в четвертый раз ему удается безошибочная артикуляция.

Грамматические ошибки информантов в основном были связаны с неправильным употреблением глагола, его видовременных форм (19)-(20) и числа (21):

- 19) *и Петербург *П это мой второй любимый город <смех > [смех] / это *П поэтому *П это причина *П почему *П я приеду *П приезжаю здесь каждый день / каждый год (ИЗ, муж., итал.);*
- 20) *(э-эм) я не(:) (а-а) ещё (а-а) попроваю *П попровала [а] (э-э) русская кухня русскую кухню [б] / *С может быть потом *С (И4, ж., франц.);*
- 21) *в Питере есть очень много садов потому что / я это (э-э) ни (а-а) знала когда я () в первый раз (м-м) поехали (а-а) поехала сюда // (а-ам-м) и теперь я живу на Бухарестской улица и там *С там (а) (э) это наоборот / нет садов / ничего (И1, жен., нид.).*

Все указанные повторы-коррекции сопровождаются паузами (незаполненными и заполненными), что вновь свидетельствует не только о затруднениях говорящих, но и о том, что они следят за правильным построением своего монологического дискурса, останавливаясь и пытаясь исправить ошибки в речи. В примерах (19) и (20а) информантам удается исправить грамматические ошибки, однако в контексте (20а) неисправленной (и возможно незамеченной) остается фонетическая ошибка. В примере (21) говорящий находит верную глагольную форму числа, однако употребление глагола *поехала* кажется не совсем верным в данном контексте. Правильнее было бы сказать *приехала*, поэтому ошибка в описываемом контексте можно считать исправленной частично.

Таким образом, повтор-коррекция в речи инофонов сопровождается грамматические и фонетические ошибки. Количественная характеристика типов ошибок такова: фонетические ошибки составляют 57 % (98 примеров), грамматические – 43 % (73 примера).

Ошибки иностранцев в монологах на русском языке можно классифицировать и с точки зрения успешности или неуспешности коммуникативного акта. По этому критерию ошибки делятся на коммуникативно-значимые (КЗО) и коммуникативно-незначимые (КНЗО). Под КЗО понимается «коммуникативно значимое нарушение, существенно ухудшающее восприятие и понимание речи или отдельного высказывания» (Епихина 2014: 17). Как КНЗО, в свою очередь, рассматривается «нарушение тех или иных норм изучаемого языка, не влияющее на успешный ход

коммуникации» (Лазарева 2011: 41). Отметим, что все описанные ошибки в речи информантов можно отнести к коммуникативно-незначимым, поскольку ни одна из них не привела к неверному пониманию смысла высказывания.

2.4.3. Структурный тип повтора-коррекции

Как уже было сказано выше, под *структурным типом повтора* понимается то, из каких элементов состоит повтор. Наиболее частотным структурным типом повтора-коррекции, как и ожидалось, стал *повтор слова*. Очевидно, что исправление одной единицы встречается чаще, чем коррекция целой конструкции или ее части. Отметим, что повтор-коррекция был произведен говорящими только для самостоятельных частей речи, ср.:

- 22) *я люблю Санкт-Петербург (э) пот... поэтому что я (э-э) очень (э) красивый город / здания / архитектур / да? / я очень люблю / люблю (И9, жен., нид.);*
- 23) *но(:) я была здесь / первый раз я была в Петербурге (м-м) *П это июл / и поэтому поэтому [а] было солнце / но очень много дожди *П дождей / да / и(:) сейчас холодно (И3, жен., итал.).*

В контексте (23а) встречается и еще один повтор (*поэтому поэтому*), который нельзя отнести к П-К, поскольку коррекции в данном случае не требуется, и говорящий ее не производит. Вероятнее всего, это повтор-гезитация, поскольку говорящий готовится произнести следующий речевой отрезок и ему требуется время, чтобы выбрать правильную форму глагола. Однако ему это не удается: допущена грамматическая ошибка.

Встречаются и случаи исправления одного слова (или предложно-падежной формы) в составе словосочетания:

- 24) *ну это очень интересно чтобы просто сидеть и смотреть (э-э-э) (э-э-э) ну **какая какие** люди все вокруг и думаю что это очень интересно / (И18, жен., нид.);*
- 25) *и(:) / ну конечно русское искусство / и это я не могу (э) (э-эм) (эм) (м) смотреть *С // *С // **в голландская в голландских** музеях // [угу] // поэтому мне очень понравил... // [угу] // понравился (И15, жен., нид.).*

В приведенных примерах информанты одинаково исправляют «забракованные» языковые единицы: без малейшего колебания они заменяют

неверные с грамматической точки зрения вариант (*ну какая какие люди; в голландская в голландских*).

Интересными для анализа представляются П-К, состоящие из словосочетаний и конструкций:

- 26) *(а-а-а) владеец моего дома владельцу моего дома (э-э) 25 лет и он часто приглашает друзей // этот (а-а-а) хороший (а-а-а) способ общаться с ними тоже на русском (И19, муж., нид.)*;
- 27) *(м) я (э-э) живу в (э-эм) *П с русским семье / [угу] // в русской семье // [угу] // и (э-эм) у меня очень (э-эм) *П (м) (эм) до... добрая хозяйка (И9, жен., нид.)*.

В примере (26) информант довольно быстро исправляет один вариант на другой (*владеец моего дома владельцу моего дома*), и в данном случае кажется, что говорящий не допускает ошибку, а просто меняет построение высказывания, которое не обдумал изначально. А в примере (27) корректируется сразу две грамматических ошибки: неверно выбран не только падеж прилагательного, но и предлог (*с русским семье – в русской семье*).

Таким образом, большинство говорящих повторяет и корректирует слово (147 контекстов, 86 % от всех употреблений), реже исправляются словосочетания и конструкции (24 контекста, 14 % от всех употреблений).

2.4.4. Сопутствующие повтору хезитационные явления

Среди хезитационных явлений, которые «сопровождают» повтор-коррекцию, наиболее частотным является пауза (как физическая, так и хезитационная, ср.:

- 28) *но здесь это (а-а) немножко трудне... // [труднее] // труднее да не знаю почему может быть потому что (а-а) люди не очень привык // привыкли (а-а) иностранцами (э-э) к иностранцам (И18, жен., нид.)*;
- 29) *(а-а) *П потому что(:) (э-э) я хочу(:) изуч-ча(:)ет (а-а) *П я хочу изучат *П (э-э) русский язык (э-э) / *П *Ц потому что моя продуга(:) моя подруга(:) (э-э) живёт (э-э) в Санкт-Петербурге *П *Ц и(:) *П я хочу(:) (э-э) *П рабо(:)таю (э-э) в Санкт-Петербурге (И2, м., франц.)*.

В примерах (28)-(29) информанты делают остановку для того, чтобы найти корректную форму, и заполняют молчание невербальными хезитациями. В примере (29) повтор-коррекции сопутствует не только заполненная

хезитационная и физическая пауза, но и две затяжки гласных внутри слов. Говорящий довольно долго находится в поиске и исправляет одну из сделанных ошибок: он находит верную грамматическую форму (*изучат* вместо *изучает*), но фонетическая ошибка остается (информант не смягчает конечный согласный).

Еще одним «соседом» П-К является обрыв:

30) *да очень / я (м-м) очень люблю (а-а) борщ / *П э-м пирожки это интересно *Пи это(:) деше... дешеви *С дешевле *П э-м *П вот и всё(:)* (И7, ж., франц.).

С этой точки зрения интересен контекст (30), в котором информант обрывает слово, затем произносит его с ошибкой, смеется и после этого находит верный вариант. Смех как реакция на ошибку – одно из распространенных явлений устной речи. Говорящий с помощью этого паралингвистического элемента «не замыкается, а с помощью смеха пытается ее [ошибку] исправить, сглаживая произведенный комический эффект» (*Звуковой корпус...2013: 226*).

В следующем примере (31) повтор-коррекцию также сопровождает обрыв внутри слова:

31) *я чувствую себя очень *П без... / (эм-м) как сказать по-русски извини (э-э) / безопа... в безопасности / я чувствую себя в безопасности да* (И1, жен., 23 г., ит.)

Это иллюстрация так называемого ретроспективного варианта исправления: говорящий обрывает слово, в его речи появляются ХЯ (пауза, неречевые звуки), затем снова обрыв, верное произнесение и, наконец, встраивание правильной речевой единицы в реплику, с повтором целого предложения. Еще одним характерным явлением для спонтанной русской речи инофонов является метакоммуникативная единица¹⁴ *как сказать по-русски*, сопровождаемая извинением, что лишний раз свидетельствует о затруднениях информанта при построении монолога.

В. И. Подлесская и А. А. Кибрик рассматривают самоисправления

¹⁴ О метакоммуникации в речи на неродном языке говорится, например, в работе К. Д. Зайдес (Зайдес 2016)

говорящего с точки зрения того, как быстро была произведена коррекция: «мы различаем два основных режима самоисправлений – онлайн коррекцию, или собственно коррекцию, и ретроспективную коррекцию, или редактирование» (Подлеская, Кибрик 2007: 4). В онлайн режиме говорящий исправляет ошибку немедленно. Ретроспективная (или оффлайн) коррекция производится после того, как речевой фрагмент уже произнесен. Онлайн коррекция в анализируемом материале встречается значительно чаще, чем ретроспективная: по всей видимости, говорящему на неродном языке легче заметить только что сделанную ошибку, чем по прошествии времени возвращаться к речевому сбою. Таким образом, «языковая память» в ситуации интерференции действительно существенно короче, чем в речи на родном языке (ср.: Krashen 1981, 1982).

Стоит отметить, что некоторые повторы-коррекции в материале пользовательского подкорпуса не сопровождались никакими хезитационными явлениями и исправились говорящими без малейших колебаний, ср.:

- 32) *интересно чтобы просто сидеть и смотреть (э-э-э) (э-э-э) ну **какая какие** люди все вокруг и думаю что это очень интересно (И18, жен., нид.);*
- 33) *(а-а-а) **владелец моего дома владельцу моего дома** (э-э) 25 лет и он часто приглашает друзей // этот (а-а-а) хороший (а-а-а) способ общаться с ними тоже на русском (И19, муж., нид.);*
- 34) *(а-а-а) семья / у которой // [ты живешь] // да я **живю живу** (а-а) // они очень быстро говорили по-русски мне было трудно чтобы понимать (а-а) что их сказали и (а-а) / да что ещё *П (у-у) (И18, жен., нид.).*

Интересно, что в примерах (32)-(33) информанты хезитируют перед повтором, по-видимому, задумываясь над тем, какую единицу им нужно произнести. Но сама коррекция происходит «безболезненно» и довольно быстро.

Количественная характеристика материала по описываемому классифицирующему признаку такова: 104 повтора-коррекции были произнесены с сопутствующими хезитационными элементами (59 % от всех употреблений), 67 П-К не сопровождались хезитацией (41 %). Среди

отмеченных ХЯ можно наблюдать следующее распределение – см. рис. 4.

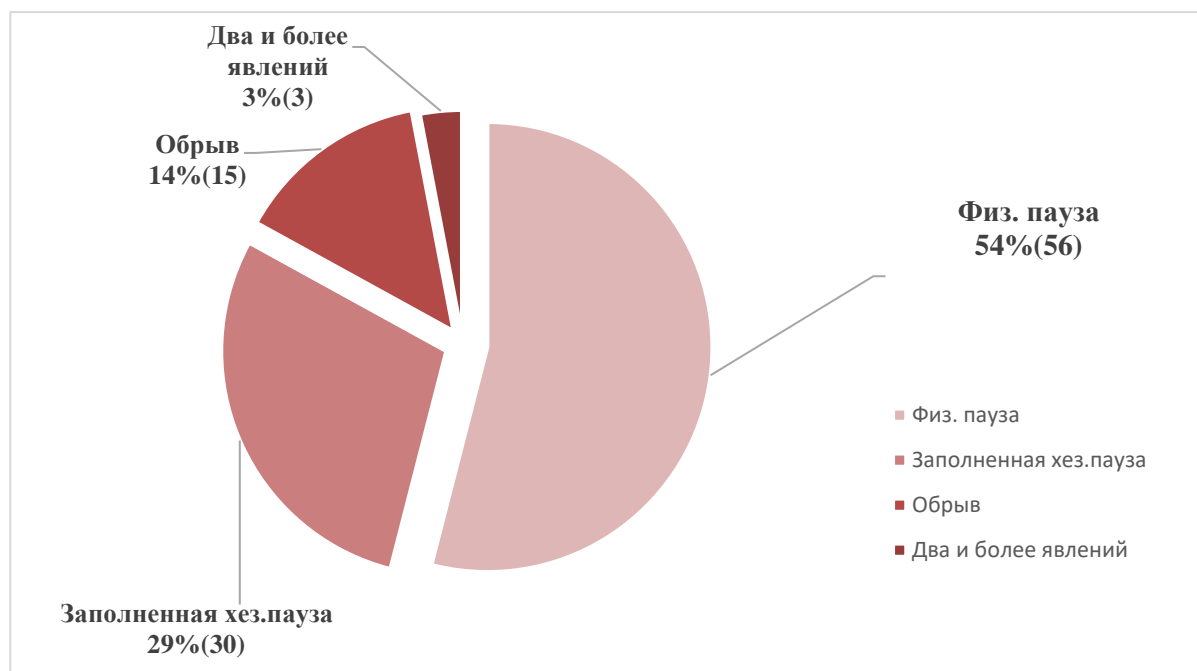

Рис. 4. Сопутствующие П-К хезитационные явления

Из приведенных данных видно, что наиболее частотным «соседом» повтора-коррекции является физическая пауза. В некоторых монологах П-К сопровождается не одним, а сразу несколькими хезитационными явлениями, такие случаи были посчитаны отдельно.

2.5. Корреляции повторов с метаданными говорящих

Следующим шагом в настоящем исследовании стал поиск возможных корреляций между появлением повтора в речи информантов и их социо-психологическими характеристиками. Представляется, что существуют определенные корреляции между особенностями спонтанной интерферированной речи и чертами говорящего.

В качестве основных характеристик учитывались, как уже отмечалось, гендер говорящих и их психотип.

2.5.1. Корреляция с гендерной принадлежностью говорящего

Гендерное распределение информантов в анализируемом материале выглядит следующим образом:

- 18 мужчин: информанты-голландцы (12 муж.), информанты-франкофоны (4 муж.) и информанты-итальянцы (2 муж.);
- 21 женщина: информанты-голландцы (15 жен.), информанты-

франкофоны (4 жен.) и информанты-итальянцы (2 жен.).

Из 272 анализируемых повторов в речи информантов 154 единицы (57 % от всех употреблений) повтора встретились в монологах женщин, остальные 118 (43 %) – в речи мужчин. При этом исправляют свои ошибки с помощью повтора-коррекции и те, и другие.

В речи женщин было обнаружено больше речевых колебаний, раздумий: повтор-хезитация с небольшим перевесом преобладает в их речи (53 % от всех употреблений составляют П-Х, 47 % – П-К). Интересно, что в речи мужчин наоборот: повтор-коррекция встречается немного чаще, чем повтор-хезитация (51 и 49 %).

Полученные данные представлены на рис. 5.

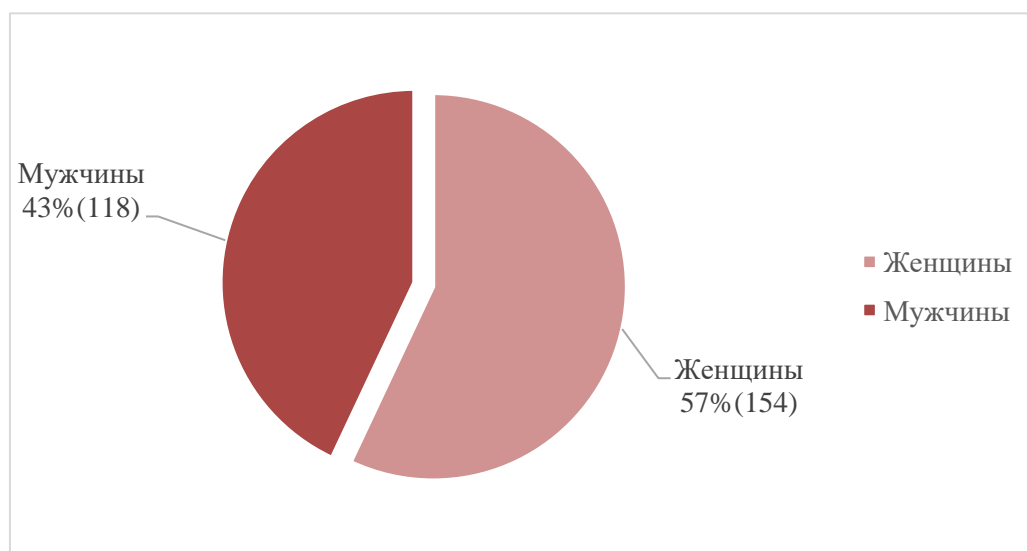

Рис. 5. Встречаемость повторов в речи мужчин и женщин

Можно сделать вывод о том, что женщинам, которые выстраивают монолог на неродном языке, свойственно производить чуть более тщательный «контроль качества» своей речи. Они предпочитают остановиться и продумать следующий речевой отрезок, а не произнести его, а затем пытаться исправить (не всегда удачно). Мужчины же при построении своего рассказа не всегда выбирают такую же стратегию: иногда им легче произнести и исправить, чем остановиться и выбрать правильный вариант.

Полученные результаты можно соотнести с замечаниями П. М. Фишмана о том, что женщины стремятся выстраивать высказывание

таким образом, чтобы избежать коммуникативных помех и провалов (*Fishman* 1978: 404-405). Вероятнее всего, хезитация помогает им построить следующее высказывание безошибочно, чтобы быть понятыми.

2.5.2. Корреляция с психотипом говорящего

В соответствии с результатами теста Г. Айзенка, информанты поделились на следующие группы:

- экстраверты – 15 информантов;
- интроверты – 10 информантов;
- амбиверты – 11 информантов.

Наиболее интересные результаты анализа с этой точки зрения представляет собой группа информантов-французов. Среди трех амбивертов, говорящих на французском языке, повторы встретились в речи каждого более одного раза, однако экстраверт и интроверт из этой группы ни разу не использовали (сознательно или ненамеренно) повторы в своем высказывании. Вероятнее всего, указанная закономерность может быть как-то связана с индивидуальными подходами говорящих к выстраиванию устного дискурса, поскольку в монологах голландцев и итальянцев повторы встречаются в речи всех трех психотипов.

Количественное соотношение повторов с психотипами говорящих представлено на рис. 6.

В рассказах информантов-экстравертов встретилось больше всего повторов (100 контекстов из 272, 37 %), что кажется весьма закономерным, ведь типичный экстраверт, по Г. Айзенку, обычно действует «под влиянием момента», он предпочитает движение и действие. Интроверт же «планирует и обдумывает свои действия заранее, любит во всем порядок, контролирует свои чувства, его сложно вывести из себя, он высоко ценит нравственные нормы» (*Личностный опросник EPI* 1995: 222–224), поэтому в речи интровертов встретилось наименьшее количество повторов.

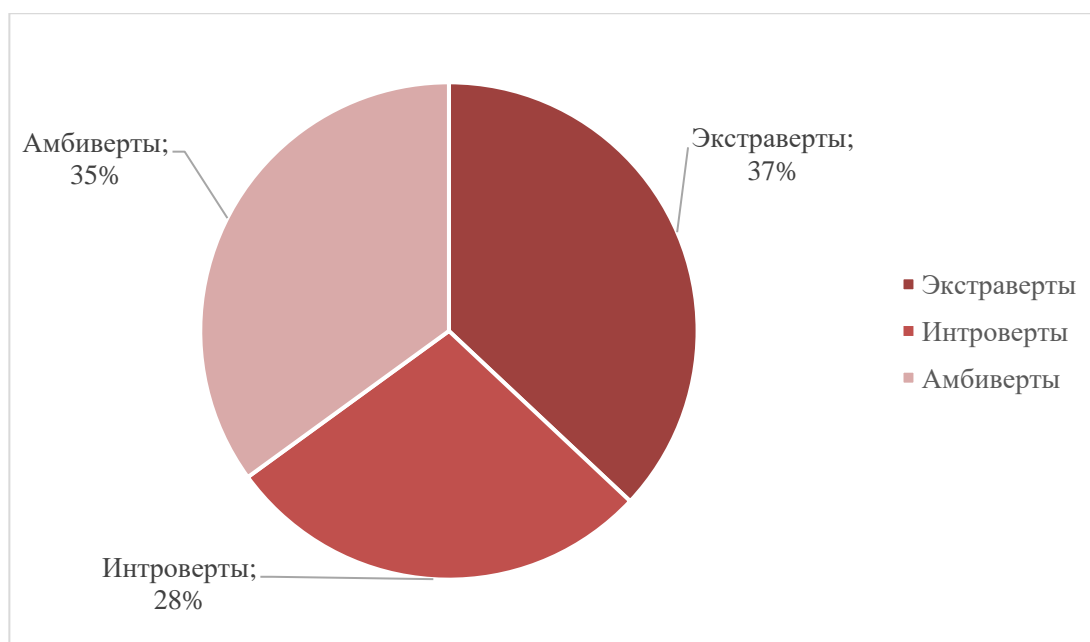

Рис. 6. Соотношение количества повторов с психотипами говорящих

2.6. Выводы по главе

В настоящей главе работы были проанализированы два типа повторов (повтор-хезитация и повтор-коррекция) на материале пользовательского подкорпуса, который включает русскую интерферированную речь 39 информантов – носителей итальянского, французского и нидерландского языков. Общее количество монологов на русском языке составило 39 текстов разного объема. Материал был организован в пользовательский подкорпус, записанный по методике САТ – сбалансированной аннотированной текстотеки.

В первой части главы описаны материал и методика исследования, представлены метаданные информантов и их важные для исследования характеристики: возраст, пол, уровень владения языком, психотип.

Во второй и третьей частях главы указаны классифицирующие признаки, по которым были описаны анализируемые типы повторов.

Повтор-хезитация был описан с учетом следующих критериев:

- 1) структурный тип П-Х;
- 2) состав П-Х;
- 3) сопутствующие хезитационные элементы.

Повтор-коррекция анализировался по такому ряду признаков:

- 1) тип коррекции (правильная, неправильная, антикоррекция);
- 2) тип ошибки (грамматическая, фонетическая);
- 3) структурный тип повтора-коррекции;
- 4) сопутствующие хезитационные явления.

Кроме того, в этой главе представлены количественные данные, которые в некоторых случаях позволяют говорить о закономерностях и особенностях функционирования описываемых явлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью настоящего исследования являлось описание двух типов повторов в русской спонтанной монологической речи носителей французского, нидерландского и итальянского языков.

В соответствии с поставленной целью для проведения исследования был сформирован пользовательский подкорпус, состоящий из 39 монологических рассказов на заданную тему. С помощью социологической анкеты были получены данные о гендере информантов, их возрасте и уровне владения русским языком. В ходе специального тестирования с использованием психологического теста Г. Айзенка был установлен психотип информантов. Балансировки состава информантов по психотипу в результате не получилось, поэтому данные использовались в работе только в качестве дополнительных.

В первой главе работы освещены основные теоретические вопросы, связанные с понятиями повтора, межъязыковой интерференции, монологической формой речи. В главе проводится обзор работ на указанные темы и предлагается новый подход к рассмотрению явления повтора в устной интерферированной речи.

Во второй главе подробно описаны материал и методика исследования, дана характеристика информантов, представлены выявленные в ходе исследования типы повторов.

Проведенное исследование позволило сделать *ряд выводов*.

1. Наряду с повтором-хезитацией, хорошо описанным в научной литературе, можно выделить еще один вид повторов в речи иностранцев на русском языке – повтор-коррекцию.
2. Повтор-коррекция в устной русской интерферированной речи зачастую сопровождается хезитационными элементами.
3. Наличие повтора-коррекции в речи информантов может свидетельствовать о «контроле качества» речи на неродном языке.
4. Среди типов ошибок, которые исправляли говорящие с помощью повтора, самыми распространенными являются фонетические.

Представляется, что результаты и выводы настоящей работы внесут определенный вклад в комплексное описание особенностей интерферирующей русской речи. Результаты выполненного исследования могут быть использованы в обучении реальной коммуникации иностранцев для повышения ее эффективности, при обучении речевому общению и анализу текста, на практических занятиях по фонетике и на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

КЗО	– коммуникативно-значимая ошибка
КНЗО	– коммуникативно-незначимая ошибка
ОРД	– корпус повседневной русской речи «Один речевой день»
ПА	– повтор-актуализатор
ПП	– повтор-пауза
ПС	– повтор-связка
ПХ	– паузы хезитации
ПЭ	– паралингвистические элементы
П-К	– повтор-коррекция
П-Х	– повтор-хезитация
РКИ	– русский язык как иностранный
САТ	– корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека»
ХЯ	– хезитационное явление
ЕРІ	– Eysenck Personality Inventory

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение: Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1984. – 384 с.
2. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Интерференция // Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Под. ред. А. Г. Азимова, А. Н. Щукина. – М.: Изд-во ИКАР, 2009. – 448 с.
3. *Амзаракова И. П.* Монолог в немецкой разговорной речи. Дис. ... канд. фил. наук. – М., 1985. – 248 с. (машинопись).
4. *Афанасьева Е. К.* Межъязыковая просодическая интерференция английского и русского языков // Вестник развития науки и образования. – 2009. № 2. – С. 76-78.
5. *Байрамова Ф. О.* Исследование акцента в интерферированной русской речи: на материале русской речи азербайджанцев. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 297 с. (машинопись).
6. *Балыхина Т. М.* Методика преподавания русского языка как неродного, нового. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – 185 с.
7. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества // Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. – М.: Искусство, 1979. – С. 237-280.
8. *Блинова О. В.* Транскрипция устного диалогического дискурса: форматы, инструменты и опыт их использования // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Международная научная конференция (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. – С. 52-55.
9. *Богданова Н. В.* ЭТО САМОЕ: грамматические формы и функционирование в русской спонтанной речи // Материалы XI международной филологической конференции. Вып. 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23-25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011. – С. 18-47.
10. *Богданова-Бегларян Н. В.* Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. – М.: РГГУ, 2013. – С. 125-136.
11. *Богданова-Бегларян Н. В.* Обрыв в устном монологе как «точка – 2020. Т. 7. № 3. – С. 555–567

12. *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д.* Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин.* – СПб.: Политехника-принт, 2017а. – С. 8-13.
13. *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин.* – СПб.: Политехника-принт, 2017б. – С. 14-20.
14. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю.* Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. *А. М. Молдован.* Отв. ред. выпуска *В. А. Плунгян.* – М., 2019а. – С. 111-126.
15. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю.* Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. *А. М. Молдован.* Отв. ред. выпуска *В. А. Плунгян.* – М., 2019б. – С. 101-110.
16. *Богданова-Бегларян Н. В., Кун Чунься.* Волшебная сила печатного знака, или что написано пером, того не вырубишь топором (размышления о некоторых аспектах преподавания РКИ) // Слово. Словарь. Словесность: выдающиеся имена Герценовской русистики. Сб. научных статей под ред. *А. И. Дунева.* – [б. м.]: Издательские решения, 2021. – С. 230-236.
17. *Бондаренко Л. П.* Пауза колебания и порождение высказывания // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Вып. 1. – Л.: ЛГУ, 1984. – С. 158–166.
18. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – Екатеринбург, 2001. – 318 с.
19. *Бродт И. С.* Спонтанный монолог в лингвистическом и социолингвистическом аспектах (на материале текстов разного типа). Дис. ... канд. фил. наук. – СПб., 2007. – 289 с. (машинопись).
20. *Быкова Н. Е.* Речевые и письменные коммуникации. Лекция 15: Адаптивные процессы в современной спонтанной речи [Электронный

ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/pivoninaspb/> (2020) (дата обращения: 10.08.2020).

21. *Вайнрайх У.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. – 1972. №. 6. – С. 25–60.
22. *Вайнрайх У.* Языковые контакты состояние и проблемы исследования. Перевод с англ. языка и комментарии *Ю. А. Жлуктенко.* – Киев, 1979. – 260 с.
23. *Виноградов В. В.* Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. – М.: Изд-во акад. наук СССР, 1963. – 259 с.
24. *Винокур Т. Г.* Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 310 с.
25. *Ворон А. А., Облякова Е. В., Гусева С. И., Андросова Н. В.* Паузальное членение квазиспонтанной разговорной речи носителей амурской разновидности дальневосточного региолекта русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. – № 2, 2016. – С. 37-57.
26. *Девкин В. Д.* Проблемы немецкой разговорной речи. Лексика и синтаксис. Автореф. дис ... докт. филол. наук. – М., 1974. – 60 с.
27. *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
28. *Епихина Е. М.* Эмблематические коммуникативные ошибки. Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. [Электронный документ]. URL: http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/dissertations/elektronnyy_variant_disser_tacii_epihinoj_e.m..pdf (дата обращения: 20.03.2021).
29. *Ерофеева Е. В.* Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. – Пермь: ПГУ, 2005. – 315 с.
30. *Журавлева А. А.* Влияние психотипа личности диктора на специфику его устной речи: доклад на международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2008». – Бекасово, 4–8 июня 2008 г.
31. *Завадская Ю. О.* Всё повторяется дважды, а иногда и трижды: о функциях повтора в русском устном монологе // Язык. Культура. Личность. Вып. 7. – Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2021. – С. 19-31.
32. *Зайдес К. Д.* Метакоммуникативные вставки в русской устной спонтанной речи на родном и неродном языке // Коммуникативные исследования. – № 3 (9), 2016. – С. 19-35.
33. *Зайдес К. Д.* Метакоммуникация в русской устной спонтанной речи. – Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2017. – 239 с. (машинопись).

34. *Замковец К. С.* Русская спонтанная речь носителей нидерландского языка (прагматический аспект). Дипл. соч. – СПб., 2019. – 56 с. (машинопись).
35. *Захаров В. П.* Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 48 с.
36. *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
37. *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.
38. *Игнатенко М. Н.* Типичные переводческие ошибки студентов как следствие межъязыковой интерференции // Проблемы высшего образования. – 2008. № 1. – С. 68-70.
39. *Казак М. В.* Паузы хезитации в спонтанной речи на родном и неродном языках (на материале речи франкофонов). – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015a. – 74 с.
40. *Казак М. В.* Паузы хезитации в спонтанной речи на родном и неродном языках (на материале речи франкофонов). Дис... магистра филол. наук. – СПб., 2015б. – 75 с. (машинопись).
41. *Капустина Т. Д.* Репродуктив на неродном языке (анализ пересказов, записанных от носителей китайского языка). Дис... магистра филол. наук. – СПб., 2020. – 94 с. (машинопись).
42. *Кибрик А. А., Подлесская В. И.* (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
43. *Конюхова А. А.* Лингвистические особенности свободного монолога на заданную тему // Русская филология. 18. Сб. научных работ молодых филологов. – Тарту: Тартуский ун-т, 2007. – С. 222-230.
44. *Краевская Н. М.* О психологической паузе и ее заполнителях в разговорной речи // Вопросы стилистики. Вып. 14. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1978. – С. 162-164.
45. *Кун Чунься.* Неподготовленное чтение как разновидность спонтанной речи (о приметах спонтанности в чтении на неродном языке) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2021а. Том 13. Вып. 2. – В печати.

46. *Кун Чунься*. Слово ЧЁРТ в русской речи китайцев, или о причинах запинок в ходе неподготовленного чтения на неродном языке // Коммуникативные исследования. – Том 9, № 2, 2021б. – В печати.
47. *Лазарева О. А.* Школа тестера: Лингводидактическое тестирование ТРКИ–TORFL: метод. пособие. – СПб., 2011. – 144 с.
48. *Лайтинен Х.* Проявление хезитации в беседах на российском телевидении. – Хельсинки: Изд-во Хельсинкского ун-та, 2020 –284 с.
49. *Лаптева О. А.* Как ученые говорят // Русская речь. – № 3, 1995. – С. 51-56.
50. *Леонтьев А. А.* Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному: (Психолингвистические очерки. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 88 с.
51. *Личностный опросник EPI* (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов. – М.: КСП, 1995. – С. 217–224.
52. *Моисеева Н. В.* Средства диалогизации монологической речи (на материале прозы А. П. Чехова). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1998. – 22 с.
53. *Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005а. – М.: Индрик, 2005а. – С. 6–20.
54. *Плунгян В. А.* Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. – Вып. 2(23), 2005б. [Электронный документ] (<http://www.philology.ru/linguistics2/plungyan-05.htm>) (дата обращения – 10.03.2021)
55. *Подлеская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. – М.: РГГУ, 2013. – С. 631-643.
56. *Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования. Труды международной конференции «Диалог 2005» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. [Электронный документ] (<http://change.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>) (2005) (дата обращения – 12.03.2021).
57. *Подлеская В.И., Кибрик А.А.* Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2006. № 12. – С. 7–55.

58. *Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. – 2007, № 2. – С. 2-23.
59. *Притчина Л. М.* Учет действия межъязыковой интерференции при формировании навыка употребления временных форм во французском языке // Иностранные языки в высшей школе. – 2005. № 3. – С. 63-66.
60. *Реформатский А. А.* О некоторых трудностях обучения произношению // Русский язык для студентов-иностранцев. – М.: Высшая школа, 1961. – С. 9-15.
61. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Повтор // Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 400 с.
62. *Русская разговорная речь.* Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Ред. *Е. А. Земская.* – М.: Наука, 1983. – 240 с.
63. *Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Под ред. *Н. В. Богдановой-Бегларян.* – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
64. *Савченко Л. И.* Повтор как стилистическая категория в художественной прозе Ф. М. Достоевского: Дис... канд. филол. наук. – Ташкент, 1984. – 203 с. (машинопись).
65. *Сапунова Е. М.* Лингвистические особенности неподготовленного чтения как вида речевой деятельности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. Вып. I. Часть II. – СПб., 2009а. – С. 161-168.
66. *Сапунова Е. М.* Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009б. – 237 с. (машинопись).
67. *Симонец М. С.* Межъязыковая интерференция при изучении второго иностранного языка и пути ее преодоления (на примере французского языка) // Вестник Донецкого пед. ин-та. № 4, 2017. – С. 98-106.
68. *Сиротинина О. Б.* Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. – Саратов: Из-во Сарат. ун-та, 1992. – 256 с.
69. *Скрёбнев Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Под ред. *О. Б. Сиротининой.* – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.
70. *Степанова С. Б.* Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // Материалы XXXV международной филологической конференции. Фонетика. 13-16 марта 2006 г. Секция фонетики. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006. – С. 24-32.

71. *Тэн, Хай.* Универсальные и типологические черты паузации в спонтанной речи носителей разных языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. Том 1, № 2. – С. 105-113.
72. *Тэн, Хай.* Перцептивные характеристики вокалических заполнителей пауз в спонтанной речи (на материале русского и китайского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 10. Часть 1. – Тамбов: Грамота, 2017. – С. 173-176.
73. *Федорова К. С.* Повтор как стратегия организации дискурса в регистре общения с иностранцами // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Сб. статей. – Вып. 1. СПб: Изд-во Европейского ун-та, 2001. – С. 247-258.
74. *Филиппова Н. С.* Спонтанный монолог-описание: композиционные особенности жанра // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Филология. Востоковедение. Журналистика. – Сер 9. Вып 4. Часть II. 2008. – С. 111–117.
75. *Филиппова Н. С.* Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 220 с. (машинопись).
76. *Фонетика спонтанной речи* / Под ред. *Н. Д. Светозаровой.* – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 243 с.
77. *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
78. *Чэн, Чэнь.* Повтор как хезитационное явление в речи китайцев на русском языке // Вестник Бурятского государственного ун-та. – Выпуск 3. Филология, 2016а. – С. 112-120.
79. *Чэн, Чэнь.* Русская спонтанная речь на неродном языке: анализ хезитаций (на материале русской речи китайцев) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – № 1 (33), 2016б. – С. 53-62.
80. *Чэн, Чэнь.* Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2018. – 205 с. (машинопись).
81. *Шевнин А. Б.* Общая, или универсальная, эрратология // Вестник ВЭГУ № 3. 2009. [Электронный документ]. URL: <http://www.work.vegu.ru/vegu/vestnik/DocLib/341> (дата обращения: 22.07.2020).
82. *Шершнева Д. М.* Да как лексическая и функциональная единица русской речи // Studia Slavica XVIII. – Таллин, 2015. – С. 270–278.
83. *Шмелев А. Д.* «Показатели хезитации» в русской устной речи // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. *В. Н. Топоров.* – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 518–530.

84. *Штерн А. С.* Введение в психологию. Курс лекций. – М.: Флинта, МПСИ, 2006. – 162 с.
85. *Щерба Л. В.* О понятии смешения языков // *Л. В. Щерба.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1974. – С. 60-74.
86. *Якубинский Л. П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – 205 с.
87. *Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation / *Matoušek, V., Mautner, P.* (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 57292009. – Berlin-Heidelberg: Springer, 2009. – Pp. 250-257.
88. *Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G.* An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian // *SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811.* – Springer, Switzerland, 2016a. – Pp. 100-107.
89. *Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Baeva, E., Martynenko, G., Ryko, A.* Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speec // *SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811.* – Springer, Switzerland, 2016b. – Pp. 659-666.
90. *Fishman, P. M.* Interaction: The Work Women Do. – Social Problems. – Vol. 25, No. 4, 1978. – Pp. 397–406.
91. *Krashen, S. D.* Second Language Acquisition and Second Language Learning. – Pergamon Press Inc., 1981. – 154 p.
92. *Krashen, S. D.* Principles and Practice in Second Language Acquisition. – Pergamon Press Inc., 1982. – 209 p.
93. *Laakso, M.* Self-Initiated Repair by Fluent Aphasic Speakers in Conversation. Doctoral dissertation. (= *Studia Fennica Linguistica 8.*) – Helsinki: Finnish Literature Society. 1997. – 215 p.
94. *McEnery, T., Wilson, A.* Corpus Linguistics: An Introduction. Front Cover. – Edinburgh University Press, 2001. Language Arts & Disciplines. – 235 p.
95. *Teiger, P., Barron-Teiger, B.* The Art of SpeedReading People. – Little, Brown, Boston, 1998. – 224 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ

1. *МАС* – Словарь русского языка в четырех томах / Гл. ред. *А. П. Евгеньева*. – М.: Русский язык. – Том II. *К – О*. 1986. – 736 с.
2. <http://spokencorpora.ru/> (дата обращения: 13.10.2020)
3. <http://www.russia.edu.ru/rus/levels/> (дата обращения: 03.04.2020)
4. http://psylab.info/Айзенка_личностный_опросник.